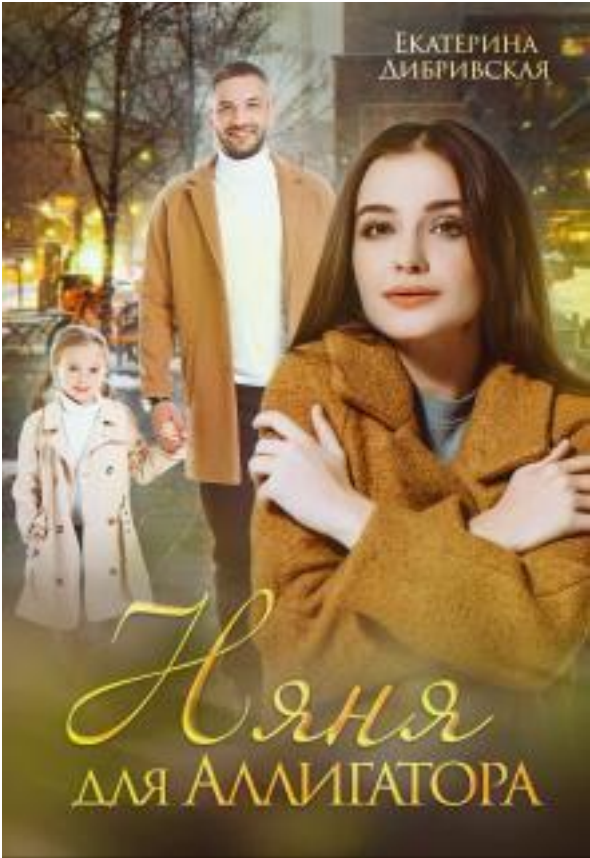

ЕКАТЕРИНА
ДИБРИВСКАЯ

Ляня
для АЛЛИГАТОРА

Екатерина Дибривская Няня для Аллигатора

<https://litres.ru/74206642>

Аннотация

Он: В моей жизни всё перевернулось с ног на голову, когда в доме появилась новая няня дочери. И ещё раз – когда я узнал истинную причину её появления.

Она: Я была на волоске от отчаяния, когда в мою жизнь пришли они. Маленькая Ксюша и её хмурый отец, бизнесмен Олег Аторов. Можно ли начать жизнь с чистого листа, если вынужден скрывать от самых близких свою страшную тайну? И смогут ли они принять твою любовь, если вдруг узнают этот секрет?

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Новый дом	9
Глава 2. Дом, в котором...	31
Глава 3. Привыкание	52
Глава 4. Разгромный счёт	73
Глава 5. А в полночь карета превратится в тыкву...	100
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Пролог

Анна

Безмятежную тишину столовой прерывают восьмичасовые новости, которые включает мой работодатель и хозяин этого дома, едва войдя в просторное помещение.

Я окидываю его недовольным взглядом и даже покашливаю, но мужчина меня начисто игнорирует. Ни «здрасьте» вам, ни «как дела?», словно мы с его дочерью не чаёвничаем в этой же комнате.

– Папа! – радостно восклицает Ксюша, но мужчина отрезает:

– Ксения, допивай свой чай поживее и отправляйся наверх.

Ксюша обиженно фыркает в чашку и предпринимает ещё одну попытку:

– Папочка! Я та-а-а-а-ак скучала! Ты же свозишь меня с няней Аней завтра в зоопарк?

– Ксения, пожалуйста. Допей свой чай и ступай спать! – раздражённо отмахивается от малышки этот остопоп. – У меня много дел, зоопарк придётся отложить.

Ксюша насупливается. Допивает чай. Встаёт из-за стола.

– Вообще-то, ты нам обещал! – медленно выговаривает девочка. – Ты что, обычный врунишка?

– Вообще-то, Ксения, не припомню, чтобы когда-то поз-

волял тебе разговаривать в таком тоне. Хочешь остаться без сладкого на целый месяц? Так я тебе быстро это устрою.

Девочка топает ножкой:

– Ты, папа, злой аллигатор, ясно тебе?

Мужчина удивлённо смотрит на дочь, словно только сейчас заметил её присутствие.

– Что-что ты сказала?! Кто я?!

– Ал-ли-га-тор! – с довольной моськой повторяет пятилетка, а я замираю. Если она проболтается, мне конец!.. – Так Пуговка говорит.

– Какая ещё пуговка? – метнув в меня подозрительный взгляд, спрашивает Ксюшу отец.

– Ну, Пуговка, пап. Ты её не знаешь.

– Это твоя новая подружка? – Олег морщит лоб, и я не могу сдержать улыбки. Наконец он сбросил маску расчётливого бизнесмена и снова стал собой. Заботливым папой очаровательной крошки. – Имя у этой пуговицы есть?

– Она не пуговица, – обижается Ксюша. – Она – Пуговка. Ты что же, папа, такой *образовательный*, а «Папиных дочек» не смотрел?

– Ах, Пу-у-у-у-уговка! – протягивает мой босс, покрываясь красными пятнами. – Из «Па-а-а-апиных дочек»! Ксения, ступай чистить зубы, сейчас я приду и почитаю тебе сказку.

– Нянь Аня, пойдём скорее чистить зубы, – заговорщицки шепчет Ксюша, протягивая мне руку. Понимает, значит, как

подвела меня, выдав наш маленький секрет.

– Анна Евгеньевна, я попрошу вас задержаться, – отрезает хозяин дома тоном, не терпящим отлагательств.

– Ступай, Кнопочка, – подмигиваю я малышке.

– Папочка, не сердись на няню Аню, ну пожалуйста, а то я правда *убедюсь*, что ты ал-ли-га-тор! – совершенно некстати вставляет Ксюша, чем только злит своего отца.

– Ксения! Я считаю до трёх! Один... – начинает он, и малышка бросается наутёк.

Стоит ей только скрыться из виду, как её папочка, пышущий праведным гневом, обращает всё своё внимание на меня. Обходит стол и возвышается надо мной.

– Анна Евгеньевна, что из моей просьбы ни в коем разе не включать моей дочери телевизор осталось за пределами вашего понимания?! – рывкает он так, что я подпрыгиваю на стуле.

– П-простите, Олег Фёдорович, – лепечу я. – Я решила, что...

– Здесь только я решаю, что дозволено моей дочери, а что – нет! Если я запретил смотреть телевизор...

– То, вероятно, вам не стоит и самому его смотреть! – не выдерживаю я.

У мужчины округляются глаза. Что, большой босс, не ожидал такого?

Я набираюсь смелости и сдержанно добавляю:

– Это крайне непедагогично! Какой пример вы показыва-

ете Ксюше?

– Та-а-ак! – не поддаётся он на провокацию. – Мы не о моём поведении разговариваем! Вы, Анна Евгеньевна, допустили непозволительную оплошность, нарушили наши договорённости... – Не сдержавшись, я фыркаю и закатываю глаза, что не остаётся незамеченным работодателем. – Вы осознали, с кем разговариваете?! Знаете, кто я такой?

И в этот момент в вечерних новостях начинается новый сюжет и репортёр самым наглым образом вклинивается в наш разговор:

– Фигурантом громкого скандала стал Олег Фёдорович Аторов, владелец крупной фармацевтической компании «Атор Фарма», которого в народе давно называют просто Олег Атор...

Я прыскаю со смеху, но вовремя маскирую неуместный звук покашливанием.

– Вы издеваетесь, Анна Евгеньевна? – ехидно спрашивает Аторов.

– Ну что вы, Олег Фёдорович! Я прекрасно знаю, с кем разговариваю! Сам Олег Атор! – Вот сейчас самое время замолчать, но это выше моих сил. – Аллигатор.

Ну всё! Кажется, попала! Ох, и шуму сейчас будет!

Но мужчина протяжно выдыхает и наклоняется ниже. К самому моему лицу.

– А вы, значит, язва, Анна Евгеньевна? – Стальные глаза упираются в мои губы, которые саднит и покалывает от этого

взгляда. – Коготочки выпустить решили? Только я ведь тоже кусаться умею!

– И что же вы сделаете, злой аллигатор? – выдыхаю ему в лицо. Сердце заходится от частых ударов, а руки начинает потряхивать, когда мужчина медленно сокращает и без того скудное расстояние между нами.

– Я передумал, – шепчет он в мои губы. – Не хочу кусать. Укротить хочу.

Я чувствую его тепло на губах. Мятное дыхание дразнит рецепторы, наполняя рот слюной.

Колкая щетина касается нежной кожи. Сталь приковывает взгляд. Воздух вокруг потрескивает от напряжения, возникшего между нами.

Кажущиеся мне высеченными из камня губы, идеально полные, мягко касаются моих губ...

– Па-а-а-ап! Не ешь мою няню! – кричит Ксюша. – Я пошутила! Ты никакой не ал-ли-га-тор!

Глава 1. Новый дом

Анна

«Решением суда ходатайство об условно-досрочном освобождении гражданки Романовской А. Е. принято удовлетворить.»

Под мерный стук колёс железнодорожного состава я устало прикрываю глаза. От обилия запахов с непривычки свербит в носу. Четыре с половиной года колонии-поселения кажутся мне обезличенным чистилищем для заблудших душ, коей, несомненно, являюсь и я сама.

В плацкартном вагоне пахнет жареной курицей, вареными яйцами, человеческим потом. Там же не было никаких запахов. Не пахло постельное бельё после стирки, не пахли капустные щи, даже товарки по несчастью и те не пахли... Или таким образом мой организм сопротивлялся, чтобы выжить, когда я уже перестала бороться?

Спустя долгие восемь часов я ступаю на низенький перрон станции-пятиминутки. Несмотря на поздний – или, скорее, ранний – час прибытия, меня здесь никто не встречает. Никто не ждёт. Поэтому я кутаюсь в плащ, совершенно не подходящий для январской погоды, даже южной, и торопливо иду по знакомым улочкам маленького городка в сторону дома.

За прошедшие годы словно ничего и не поменялось. Это

странно, учитывая, как сильно изменилась я сама. Перекошенная дверь подъезда распахнута настежь, на лестничных пролётах не горит свет, стены, исписанные повзрослевшими за годы моего отсутствия подростками, пока только мечтают о ремонте.

Я поднимаюсь на последний этаж, отыскиваю в негустых пожитках ключ и вставляю в замок.

Пытаюсь.

Да только он не подходит.

Я снова и снова предпринимаю бесполезные попытки, борясь с подкатывающими слезами, пока дверной замок не щёлкает трижды и передо мной не образуется узкая щель.

– Явилась, Анька? – звучит недовольный голос из темноты.

Свет вспыхивает, и я вижу свою родную тётку.

– Тётъ Зина? А вы как тут..? Что тут..? – непонимающе бормочу я. – Что вы делаете в моей квартире?

– Твоей? – зло усмехается та. – Ты, дрянь такая, думаешь, я тебе позволю позорить семью, память о матери позорить, после того, что ты учудила? Выписали мы тебя, Анька, всё по закону, так что ступай, куда шла!

Дверь приоткрывается чуть шире, и тётка выставляет на лестничную клетку старенький чемодан.

– Я тут тебе собрала что получше. На первое время хватит, а там... хочешь к Виталику иди, хочешь на панель... Сюда, главное, не приходи. Здесь теперь Светочка с мужем

живёт. Повезло, что они в отпуске, а я цветы полить приехала да заночевала... Позор-то какой! Мы думали, тебе совети хватит исчезнуть молча, так нет...

– Это моя квартира, – упрямо говорю ей, вытирая слёзы.

– Уже нет. Светочке рожать скоро, о сестре подумай, убогая. Ей как людям в глаза смотреть, что ты из тюрьмы вышла и молодой семье жизни не даёшь? Мужу она что, по-твоему, сказать должна?

– Это моя квартира... – слабо отбиваюсь я. – Вы не имеете права...

– Да кто тебя, зэчка, слушать станет? – она вздыхает, тянется куда-то и протягивает мне выписку из домово́й книги, где чёрным по белому говорится, что...

Я действительно здесь больше не прописана. Выписана. Незаконно. Но прямо сейчас у меня нет ни сил, ни желания разбираться в этом безобразии. И тем более учинять скандал.

Особенно, когда тётка шипит сквозь стиснутые зубы:

– Убирайся, Анька, подобра-поздорову! А то ж я и соседей кликнуть могу! Здесь все знают, что ты за тварь, якшаться не станут, убьют до смерти, и поминай как звали...

Дверь хлопает прямо перед моим носом, и я снова погружаюсь в темноту южной ночи. Хочется взвыть от боли, от несправедливости. А ещё больше – рассмеяться от души. Но я забыла, как это делается.

Со своей котомкой и чемоданом наперевес, размазывая

по лицу слёзы, спускаюсь по лестнице, раздумывая, как поступить дальше.

Не так я, конечно, планировала. *Словно планировала*, – зудит в голове противный голосок. Абсолютно правильно зудит. Я никогда не задумывалась над тем, что будет *после*.

До я просто знала, что иначе не получится. Когда принимаешь самое тяжёлое решение в своей жизни, ещё как-то пытаешься взвешивать все его стороны. Приняв его, становится одновременно всё равно. А претворив его в жизнь, мечтаешь уже лишь об одном. Поскорее окончить этот путь, ведь к этому моменту обувь твоя становится просто неподъёмной. Но никто и не обещал, что будет просто, так ведь?

И словно мне мало было разговора с тётушкой, между третьим и вторым этажом ручка чемодана отваливается с тихим скрипом, а сам чемодан скачет по лестнице вниз, пока не врежется в преграду.

Глаза, хоть и привыкшие немного к темноте, всё равно пока не различают деталей – лишь размытые силуэты и очертания. Спина покрывается холодным потом, ведь передо мной стоит человек. Крупный мужчина, если быть точнее.

Он сосредоточенно пыхтит, пялясь на мой чемодан. По лестничному пролёту разливается стойкое этиловое амбре, и я понимаю: мужчина пьян.

Памятуя о словах тётки Зины, я уже подумываю, может, бог с ним, с чемоданом? Я ведь даже не знаю, что за барахло в нём лежит! Поднимусь тихонечко повыше, к самому выхо-

ду на чердак, отсижусь там до рассвета и *адьёс амигос*. Прощайте родные пенаты, прощай родовое гнездо!

Но природное упрямство, позабытое за ненужностью, берёт верх и кричит во всё горло: *«Других вещей, Аня, у тебя всё равно нет, поэтому крайне нецелесообразно бросать их с этим бугаем. Может, он тебя и не признает?»*

Как бы то ни было, а это правда. Глупо разбрасываться единственными вещами, когда не знаешь, чего ждать от утра.

Тихонько ступая на мыски, преодолеваю оставшиеся пару ступеней и расстояние до чемодана. Цепляю уголок кончиками пальцев, тяну на себя. Крохотный миг, и я смогу поднять его в руки и дать дёру. Что, собственно, и делаю, не откладывая в долгий ящик.

– А ну, стоять! – отмирает мужик, и я без труда узнаю его по голосу. – Кто такая?

Он наклоняется, обдавая меня запахом спирта, фокусирует зрение на моём лице и рассеянно говорит:

– Анька, ты?

– Здравствуй, Лёш, – сухо здороваюсь с Красавиным, некогда влюблённым в меня соседом и одноклассником.

– С ума сошла? – со внезапной обидой спрашивает он. – Заклюют ведь, дура!

– Так я, это... Пойду уже, наверно, – киваю я, начиная пятиться назад.

– Тебе есть куда? У тебя-то в квартире Светка с мужем теперь живёт, знаешь?

– Знаю, Лёшка, – шепчу я. Глаза непроизвольно наполняются слезами.

– Не реви, Анька. Пошли ко мне, до утра перекантуешься, а там решим, куда тебя определить. Да и вообще...

Что это за «*вообще*» мне не понятно. Голова гудит от стольких разных событий. Просто раскалывается. Поэтому я перехватываю чемодан поудобнее и иду за соседом.

В его квартире ничего не изменилось. Ни капельки. Словно только вчера я забежала к нему за тетрадкой, а сегодня – заскочила вернуть.

– Прости, не убрано у меня. У начальника цеха сын родился, вот пяточки и обмывали, – поясняет старый друг, сбрасывая в кучу вещи. Осекается и мнётся: – Прости, Ань.

Делаю глубокий вдох и безразлично отвечаю:

– Ничего страшного. Правда.

Он качает головой, но ничего не добавляет. Я чертовски благодарна ему за это.

Алексей наливает мне чай, сооружает пару бутербродов, и мы ужинаем. Молча. Разговаривать нам, по сути, не о чем.

– Ляжешь в зале. – предупреждает он, скрываясь в дверном проёме.

Минут через пять говорит, что постель готова, а сам отправляется в душ.

Я падаю на подушку прямо в одежде. Нет сил. Дальняя дорога, разговор с тёткой, встреча с Лёшкой... Каждое событие легло мне на плечи неподъёмным ярмом. Мечтаю уже

уснуть, но тут из коридора слышится возня.

А через короткий промежуток времени в комнате, где я лежу, вдруг вспыхивает свет и раздаётся визгливый голос:

– А ты ещё кто такая, дрянь?!

Я шурю на свету, вглядываясь в тёмный силуэт в дверях. Который смотрит на меня. Узнавание приходит одновременно:

– Романовская?!

– Сергеева?

Бывшая одноклассница из дома напротив поджимает губы и решительно надвигается на меня.

– Зачем явилась, Анька? Ну зачем ты явилась?

Я медленно свешиваю ноги с дивана на пол и обхватываю себя руками. Как же я сегодня устала..!

– Я вернулась домой, но там... Словом, там теперь живёт моя сестра. Лёшка предложил переночевать у него, – ну вот зачем я оправдываюсь?! И было бы перед кем! – Стой! А ты чего здесь делаешь? С какой стати допрос устраиваешь?

Морщусь от вылетевшего слова, словно лимона кусок проглотила. И бывшая подруга недобро усмехается:

– Тебе не привыкать! – словом бьёт, как пощёчиной. Лучше бы ударила! Сил нет терпеть все эти пересуды. Даже закон сказал: довольно. Оттрубила положенное, всё, свободна. – Что смотришь? Зачем припёрлась? Ты же чудовище, таким не место в нашем городе. Мужики вообще поговаривали, чтоб *тоготебя*... ну, вначале. Потом подутихли. Я бы на

твоём месте никогда бы не решилась вернуться...

– Твоё счастье, что ты не на моём месте, – выплёвываю я, поднимаясь. – И молись, чтобы тебе никогда не пришлось на нём оказаться!

Я хватаю многострадальный чемодан и иду к выходу. Люська подлетает, когда я уже стою в дверях.

– Ты же не вернёшься? Завтра, послезавтра? Ань, не возвращайся, – говорит она жалобно, но мне почему-то безразлично. – Мы с Лёшкой пожениться хотели. Год уже вместе. У меня и ключи от квартиры есть. Я и пришла-то, потому что он звонил, как с работы выехал. Я видела, что такси подъехало, он в подъезд вошёл. Вот и собралась.

– Мне нет до этого дела, – успокаиваю её. – Совет вам да любовь!

– Ага, – продолжает ныть Сергеева. – Ты не дура, Анька. Будто не знаешь, что Лёшка одну тебя любит. Всегда любил. Он же бросит меня, раз знает, что ты вернулась, да ещё и в беде.

– Не переживай, Сергеева, я не собираюсь уводить у тебя Красавина.

– Да тебе этого и не надо делать! Сам побежит, словно ты не знаешь!

– Ты отмороженная или как? – не выдерживаю я. – Он мне не нужен, так понятно?

– Только ты ему нужна! – ноет Люська. – У него мать шейку бедра недавно сломала, я ухаживаю за ней. Отец два го-

да назад инфаркт пережил. Сейчас лучше, но стрессы ни к чему...

– Ну и зачем ты мне всё это говоришь? Я-то тут причём?!

– Ань, богом тебя молю, уезжай из города. Лёшка всё теряет из-за своей неужённой любви к тебе! Родители ведь просто не переживут такого позора! На заводе его тоже турнут за связь с бывшей зэчкой. В городе все возненавидят... Ну ты должна понимать, где и с какими людьми мы живём. А ты... ты же чудовище, тебя все проклинаят. Не будет тебе жизни здесь, да и Лёшку утянешь в это болото. А я его люблю.

Я смотрю на одноклассницу, а вижу только пустую и бездушную оболочку. Разве кто-то – хоть кто-нибудь из них – хотя бы раз задался вопросом, что мне пришлось пережить, как я докатилась до такого? Нет. Всем было абсолютно всё равно. А мне... и подавно. Эти ущербные люди, не видящие дальше собственного носа, не способны понять, что иногда самые кошмарные поступки мы совершаем из невероятно огромной, безграничной любви.

– Так что скажешь? – вырывает меня из невесёлых раздумий голос Люськи. – Исчезнешь просто? Не станешь Лёшке жизнь ломать?

Даже забавно, что на протяжении всей беззаботной жизни мы окружаем себя подобными людьми, которые готовы затоптать, отобрав последний ломоть хлеба! И ведь раньше я считала бывшую подругу чуткой и отзывчивой девушкой.

А теперь она, прекрасно зная, что мне некуда податься, так просто толкает меня в заботливо приоткрытые двери в половине четвёртого утра в январскую ночь.

Я создаю подобие улыбки и киваю:

– Обещаю. Не навсегда, но увидимся нескоро. Встану на ноги и верну свою квартиру. А пока... будь счастлива, Люська.

От её перекошенного выражения лица в моей груди вспыхивает маленькая искорка радости. Пусть недоброй, неправедной. И пусть гаснет столь же скоро, едва затеплившись, но я чувствую это. Чувствую хоть что-то, кроме пустоты и боли.

С опостылевшим уже чемоданом шумно спускаюсь по лестнице, раздумывая, что делать дальше. Завтра, точнее, уже сегодня мне нужно отметиться в отделении полиции и получить справку. А там будет целый месяц, чтобы хоть как-то устроиться – найти работу и снять жильё.

Сейчас в моём кармане слишком мало денег, и я не могу себе позволить даже аренду койко-места. Большую часть причитающихся мне средств я уже истратила на дорогу, и мне едва ли приходится выбирать.

Возвращаюсь на вокзал и сажусь в зале ожидания. Здесь, хоть и прохладно, но всё же лучше, чем на улице. Сажусь до восьми утра, так и не сомкнув глаз. Страшно, что обворуют и останусь я даже без этих скромных пожитков.

В отделение полиции иду через магазин. По пути перехва-

тываю булочку и питьевой йогурт. Это единственная еда за сутки, не считая Лёхиных бутербродов. Какая же я жалкая! Такими темпами скоро начну скучать по тюремной баланде! А больше всего по нарам. Мне сейчас даже храпящая сверху Шурочка – двухметровая богатырша с копной рыжих кудрей – и та кажется лучше всего происходящего.

И словно мне мало того самого происходящего, на углу РОВД я нос к носу сталкиваюсь со свекровью. Бывшей, если быть точной.

Таисия Николаевна безгласно поджимает губы и сощуривает свои ведьмачьи глаза. Делает несколько шагов ко мне и с размаху залепляет мне звонкую пощёчину.

– Дрянь! Ненавижу! Да лучше бы ты сдохла!

Она всё лупит и лупит меня по лицу, а я молча подставляюсь, сжимая руками чемодан. Смотрю прямо ей в глаза. Я не надеюсь, что она поймёт. *Никто* не поймёт. Но она, зная меня с самого рождения, могла хотя бы попытаться отыскать правду. Хотя бы для себя.

Её оттаскивает от меня молодой лейтенант, грозит упечь в обезьянник на трое суток, и я отмираю:

– Отпустите. Всё в порядке.

Он смотрит на меня с сомнением, а я, бросив последний взгляд на Таисию Николаевну, нащупываю в кармане бумажку, без которой я теперь не человек. Ну, на ближайшие полтора года точно. Если не вляпаюсь в какую-то другую историю.

Лейтенант коротко изучает запись и серьёзнее:

– Пройдёмте, гражданочка. А вы, – строго смотрит на мою бывшую родственницу, – домой ступайте. Увижу, что снова драки учиняете, точно прикрою.

Женщина вскидывает подбородок и, игнорируя нас, гордо удаляется. Мне хочется тоже уйти, но я не могу. Без отметки я не смогу ни работать, ни жить, ни передвигаться.

Я провожу в здании полиции от силы полчаса, но тревога всё равно накатывает, сбивая и запутывая мою речь, когда я задаю уточняющие вопросы относительно своего положения. Особенно, когда я задаю самый главный вопрос:

– Скажите, обязательно ли мне жить здесь? Могу ли я, скажем, уехать в столицу, в любой крупный город?..

– Да, но в этом случае, вам необходимо отметитья в местном отделе. Данная процедура обязательна либо по каждому крупному перемещению, либо по месту регистрации раз в месяц.

– Я поняла, спасибо.

По крайней мере, мне не придётся уворачиваться от колких слов и пощёчин здесь, в моём родном городе. И хотя мне неизвестно, что ждёт в другом, я трачу последние деньги билет – куда хватает моих скудных финансов – и без сожаления покидаю малую родину.

И вовсе не специально, а по стечению обстоятельств, я схожу с поезда именно в том прибрежном городке, где теперь живёт Виталик.

У меня есть и его адрес, и номер телефона. Я знаю, где он работает. С кем живёт. Но последнее, чего я хочу, это обращаться за помощью к этому человеку. Да и не факт, что он захочет мне помогать... учитывая обстоятельства.

С чемоданом в обнимку иду до самой набережной и захожу в каждое заведение, коих тут немерено. Хоть сейчас и не сезон, но туризм развит достаточно хорошо, а значит, точки общепита работают круглогодично. А значит, существует вероятность, что на одной из таких точек для меня найдётся работёнка.

Я соглашусь на любую. Для начала. Будь то поломойкой или посудомойкой, для меня не важно. Работать по специальности я всё равно больше никогда не смогу, а заработать себе на жильё и на еду просто необходимо.

Но когда в каждом новом месте я получаю отказ, руки постепенно опускаются. А на город опускаются сумерки.

Я ухожу от набережной. Ближе к центру. Возможно, здесь отыщутся хоть какие варианты. Захожу подряд во все двери. Уже без разбора. На грани отчаяния.

От усталости и голода кружится голова. Истоптанные ноги в неудобных полуботинках гудят от боли, а руки – от тяжести старого чемодана.

Останавливаюсь у лавки в каком-то сквере. Пальмы жизнерадостно покачивают на ветру зелёными лапами, отбрасывая на газон причудливые тени.

Сажусь, вытягивая ноги. Кажется, сейчас самое время

расплакаться и признать поражение. У меня нет денег. У меня нет дома. У меня нет никого.

Кроме Виталика, – услужливо подсказывает внутренний голос. Но от этого хочется плакать ещё сильнее. Иногда лучше на панель, чем просить помощи у кого-то. Но выбора у меня нет. Это конец.

Нехотя поднимаюсь и беру в руки чемодан. Поворачиваюсь и застываю.

Передо мной стоит маленькая девочка и внимательно смотрит на меня.

– Здравствуйте, – вежливо говорит она. – А кем ты работаешь?

– Медсестрой, – от неожиданности выпаливаю в ответ.

– В больнице?

– В детском саду.

– Жалко, – горестно вздыхает малышка.

– Почему жалко? Тебе нужно попасть в больницу?

– Нет. Я думала, ты работаешь с моим папой и отведёшь меня к нему.

Я напрягаюсь.

– Ты потерялась? Как тебя зовут?

– Меня зовут Ксюша, и я ищу папу, – отвечает она. – А тебя как зовут? Мне папа не разрешает разговаривать с незнакомыми людьми.

Славная и умная малышка. В дорогой одежде. Ухоженная. Это плохо. Очень-очень плохо. Первый попавшийся пат-

руль, и мне конец. Настоящий, а не тот, который я нафантазировала пять минут назад.

Но девочка смотрит выжидательно, а вокруг ни души. Я же не могу бросить такую кроху одну в центре города в вечернее время?

– Меня Аня зовут. – отвечаю ей и снова спрашиваю: – Ксюша, ты потерялась?

– Нет. Я гуляла с Галей во-о-о-он там, – крохотный пальчик показывает куда-то в сторону. – А во-о-о-он там работает мой папа.

– И ты ушла от Гали, чтобы найти папу? – уточняю я, и девочка кивает. – А ты знаешь, где именно он работает?

– Не-а.

– А фамилию свою знаешь?

– Ксюша А.

– Что это за фамилия такая? – озадачиваюсь я. – Ты в садик ходишь?

– Не-а. У меня была няня, она со мной занималась. Иногда мы ходили в развивайку. Когда я рисовала там рисунки, их подписывали «Ксюша А».

– Галя – это твоя няня?

– Нет, – смеётся девочка. – Ты что, Аня? Галя – это Галя. Логично, но мне всё ещё ничего не понятно.

– А давай мы найдём Галю и спросим у неё, где работает папа? – предлагаю ей.

– А давай! – широко улыбается она и протягивает мне ла-

дошку.

Не могу сдержатъ улыбку в ответ. Даже перехватывая чешмодан одной рукой, чтобы взять девочку за руку, я всё равно искренне улыбаюсь ей.

Чего не делала уже очень давно.

За те пять минут, что мы с моей новой знакомой идём через сквер, она бесхитростно вываливает на меня все подробности своей коротенькой жизни.

Зовут Ксюша. Пять лет. Живёт в большом доме за высоким красным забором. Ей больше нравится белый и с зазорами, какой стоял раньше, но папа переделал на некрасивый. В доме красиво, как в музее. Но только у Ксюши в комнате можно заниматься всем, что только придёт в голову. В коридоре лучше не бегать.

Ксюша живёт с папой и Галей. Раньше была няня Дина, но она уволилась, потому что тут ей ничего не светит. Забавно! А ещё в доме есть дядя Витя, Павел и Артём, но с последними двумя Ксюше играть не нравится.

Поначалу мне кажется, что неведомая Галя – Ксюшина мачеха, но стоит увидеть на детской площадке седовласую полноватую старушку, которая с видимой тревогой ведёт беседу с двумя хлопцами, я ещё издалека понимаю, что это и есть Галя.

Она щурится, приглядываясь к нам, а разглядев, как следует, тут же бросается навстречу и опускается на корточки.
– Ксюнька, слава богу! – причитает она, расцеловывая де-

вочку, которая намертво вцепилась в мою руку. – Куда же ты сбежала, поганка?

– Я к папе пошла. Ты же сама не захотела меня к нему вести! – с упрёком говорит Ксюша. – Меня Аня нашла и к тебе привела, потому что она работает в детском садике и совсем не знает моего папу.

Внимание Галины обращается ко мне. Как и добрых молодцев, возвышающихся за её спиной.

– Спасибо вам, Анна! Страшно представить, что могло случиться с малышкой, если бы не вы!

– Ну что вы, – смущённо бормочу в ответ. – Любой на моём месте поступил бы так же.

– Ты обещала, Аня, – дёргает меня за руку Ксюша. – Что мы спросим у Гали, где работает папа.

– Ксения! – ахает Галина. – Папа в командировке. В Цюрихе. Это в Швейцарии, и пешком туда не дойти.

– Вот видишь, Ксюша, – сажусь я на корточки. – Папа в отъезде, но, я уверена, скоро он вернётся к тебе. И ты должна слушаться Галю и никогда от неё больше не уходить. Договорились?

– Хорошо, – обиженно отвечает девочка, складывая губки в бантик. Вот же сердитая прелесть!

– Будь умницей, крошка, – улыбаюсь я, поднимаясь, и обращаюсь сразу ко всем. – Раз все проблемы позади, пожалуй, я могу идти.

Ксюша сморщивает личико и хнычет:

– Разве ты не можешь поиграть со мной? Мы же только познакомились!

– Ксения! – шокировано взывает к ней Галина. – Посмотри на своё поведение!

– Нет, всё в порядке, – незнамо почему вырывается у меня. – Я никуда не тороплюсь.

Да и некуда мне торопиться. Отвлечься от собственных проблем в компании пятилетки кажется мне более интересным занятием, чем поход до квартиры Виталика.

Я пристраиваю чемодан на лавке и раскачиваю Ксюшу на качели, кручу карусель, ловлю с горки. Ровно до того момента, пока нас не прерывает Галина:

– Ксюня, уже поздно. Нам пора домой.

Девочка разочарованно вздыхает и топает ножкой.

– Не хочу домой! Там скучно, а с Аней весело!

– Ну, знаешь, девочка моя, – упрекает Галя. – Так мы не договаривались! В следующий раз будешь гулять во дворе, а в город отправишься только с отцом.

– Так нечестно! – надувается Ксюша. Но тут же кукольное личико озаряется хитрой улыбкой. – Аня, а ты можешь проводить меня до дома?

– Ксюша! – заводится женщина, но поражённо всплескивает руками. – Анна, если вас не затруднит... Ведь не угмонится, поганка. Пожалуйста. Я оплачу вам такси обратно.

– Без проблем, – отзываюсь я.

Ксюша бросается ко мне и обнимает обеими ручонками.

Повисает, словно маленькая обезьянка. Мне неудобно перед старушкой, но её словно и не беспокоит тот факт, что абсолютная незнакомка так занимает внимание её подопечной.

– Спасибо! – искренне вздыхает она.

Мы доходим до конца сквера. Мой чемодан без особого труда тащит один из безмолвных хлопцев. И пристраивает в недрах багажника большой тонированной машины.

Странное чувство охватывает меня, когда я следом за Ксюшей устраиваюсь на широком диване заднего сиденья рядом с детским креслом. Следом за мной садится Галина. Амбалы устраиваются спереди, и мы едем.

Ксюша заваливает меня вопросами, на которые я отвечаю односложно, и историями из своей жизни, но постепенно речь девочки замедляется, а глазки смотрят осоловело.

– Аня, можно я подержу тебя за ручку? – спрашивает малышка.

Я протягиваю свою и переплетаю наши пальцы. Девочка устраивает головку на боковину кресла и смотрит на меня, пока не засыпает.

– Вот же егоза! – тихо говорит Галина. – Простите за это. Очень неудобно, что вывезли вас за город.

– Ничего страшного, я никуда не тороплюсь, – отзываюсь я глухо, поправляя жидкие волосики, упавшие на лицо.

– Вы очень любезны, Анна. Вы буквально наша спасительница во всех смыслах. Не представляю, что стало бы с Ксюшей, если бы вы не позаботились о ней. Могу ли я что-то

для вас сделать в знак благодарности, ну кроме оплаты такси, разумеется?

Как вы помните, терять мне нечего. Поэтому я без обиняков спрашиваю:

– Возможно, вы знаете, кому-то из ваших соседей или знакомых требуются работники? Я ищу работу. Любую. Видите ли, сейчас я не в том положении, чтобы выбирать, – чувствую, как пощипывает в глазах от сочувственного взгляда старушки. – У меня больше нет ни близких, ни крыши над головой. Я приехала сегодня днём, бежала, буквально, куда глаза глядят...

Она качает головой:

– Я узнаю, но уже завтра. Простите за прямолинейность, что с вами произошло?

Я закусываю губу. Если скажу полную правду, не видать мне помощи. Знаю, что не имею права так поступать с этой женщиной, но моё недавнее прошлое никоим образом не повлияет на будущее и никому не может навредить. Поэтому говорю полуправду:

– От меня ушёл муж, родственники незаконно выписали из квартиры, пока я... жила в другом месте. Я вернулась, узнала всё это и... рванула, куда денег хватило. Это глупо, но...

– Вы были в отчаянии, – понимающе добавляет она.

– Полагаю, что так. И теперь я здесь. Без денег, без жилья, без знакомств.

– Вы работали в детском садике?

– Да, медсестрой. Несколько лет назад правда, в начале своей неудавшейся семейной жизни.

– Вы знаете, Анна, это просто чудесно! – внезапно радуется Галина. – У меня прекрасная идея!

– Какая же? – с любопытством спрашиваю у женщины.

– Ксюше нужна няня с проживанием. Вам – работа и жильё. Опыт у вас есть, вполне серьёзный, хозяину понравится.

– Но я же никогда не работала няней, – лепечу я. – Да и рекомендаций у меня нет.

– Да ну, бросьте! Глупости! Я вижу, что человек вы хороший, да и Ксения всегда тяжело сходится с новыми людьми, а к вам привязалась за считанные мгновения. А рекомендации... Что ж, мы немного смухлюем. Я скажу хозяину, что именно вас прислало агентство, он проверять не станет. Тем более, когда увидит, как хорошо с вами поладила Ксюша.

Могу ли я решиться на столь отчаянную глупость? Должна ли?

– Ну же, решайтесь. Лучшего варианта вам всё равно не найти, – подначивает меня старушка.

– Ладно, – медленно киваю ей. – Давайте попробуем.

– Вот и чудненько, – с довольным видом потирает она руки.

И в этот самый момент автомобиль начинает снижать скорость, пока вовсе не останавливается. Галина открывает дверцу и выбирается наружу, дожидается, пока выйду я.

Мы на ухоженной территории богатого особняка в три этажа. Дорожки вымощены булыжником, аккуратный ровный газон то тут, то там разрывают укрытые на зиму клумбы. В саду виднеются фруктовые деревья, которые я не могу различить в темноте.

Лишённая дара речи от первого впечатления я поворачиваюсь к женщине, и она добродушно улыбается мне.

– Ну что, няня Аня, добро пожаловать в новый дом.

Глава 2. Дом, в котором...

Аторов

Поездка в Швейцарию никоим образом себя не оправдала. Я лишь попусту потерял время и ни на гран не приблизился к установлению причин, почему экспериментальный препарат перестал вдруг работать.

В лучшей лаборатории ведущие учёные разобрали на новейшем высокоточном оборудовании на молекулы и атомы моё лекарство. И не нашли отхождения от оригинальной формулы.

Выпускаемый продукт соответствовал требованиям и нормам, но почему-то перестал работать. Швейцарские умы лишь пожали плечами, всовывая мне в руки километровые счета и многотонные папки с заключениями.

Если лекарство работает, возможен ли саботаж? – эта мысль не давала мне покоя уже долгое время, и кажется теперь пришло время признать это.

Кто-то хочет уничтожить мою деловую репутацию. Да какой там, деловую! Человеческую! И мне необходимо в кратчайшие сроки найти наглеца, иначе можно забыть о новом наборе маленьких пациентов.

Меня не покидает предчувствие неотвратимой беды всю дорогу до дома. Странное беспокойство охватывает меня, и я с трудом удерживаюсь от звонка. Было бы что серьёзное,

Галина Андреевна давно бы позвонила, а самому незачем беспокоить их поздним вечером. Наверняка, моя домохозяйка снова мучается, пытаюсь уложить Ксюшку спать.

На удивление, окна горят ярким светом. Ещё и зажжённые разноцветные огоньки повсюду, словно пролетающих мимо северных оленей деда Мороза стошнило мишурой и конфетти. Или скитлсом. Словом, случилось тут какое-то невообразимое волшебство...

Не встреченный никем прохожу в недра дома. А где же все его обитатели?

Не обращая на меня никакого внимания, Галина Андреевна проплывает рядом и застывает в дверях кухни. Интересно!

И крайне необычно для одиннадцати часов вечера.

Подкрадываюсь к женщине и тихим мрачным шёпотом спрашиваю:

– Случилось чего?

– Ой, Олег Фёдорович! – в тон мне ойкает она. – Умеете же напугать! Да вот, печенье к вашему приезду пекут.

Я перевожу удивлённый взгляд вглубь просторного, набитого всяческой техникой помещения и вижу свою дочь, гордо восседающую на кухонном островке с поварским колпаком на голове и с огромным половником в руке.

– Давай, раскладывай рожки! – командует она и заливается смехом.

А та, которая, видимо, послушно подчиняется её коман-

дам, стоит, наклонившись к столу и что-то там колдует, при- танцовывая в такт тихой мелодии, люющей из невесть отку- да взявшегося тут же, на столе, приёмника. Округлые бёдра в тесных брючках плавно покачиваются из стороны в сторо- ну, необычайно привлекая моё внимание. И словно вишен- ка на торте, на пояснице незнакомки завязан пышный бант из завязок фартука. И этот бант то взмывает вверх, то чуть опускается вниз, то просто движется вправо и влево.

Я подаюсь ближе. *Девочки* слишком заняты своим делом и пока не обращают на меня никакого внимания.

– Ну, смотри, Ксюнька, – говорит незнакомка, от нетерпе- ния активно дрыгая бёдрами. Пышный бант призывно бол- тается над её пятой точкой, устремляя моё кровообращение от мозга куда-то вниз. – Красиво? Понравится папе?

– Да-а-а! – кричит моя дочь.

От любопытства сводит скулы, и я заглядываю через пле- чо незнакомки. На столе стоит тарелка уже готового печенья. А на противне перед черноволосой девушкой с голосом, пе- реливающимся колокольчиками, выложены круглые комоч- ки сырого теста, украшенного разноцветными конфетками и солёными крендельками.

Девушка тянется рукой на край стола, где стоит стакан с разбитым яйцом и кондитерской кисточкой. При этом про- стом действии её ягодичные мышцы напрягаются, а бант взмывает ввысь, и я чувствую, как сердечный ритм даёт сбой. Здорово как дома!

– Очень аппетитно! – вырывается у меня невольно, и она так и застывает.

Торчащий кверху бант еле видно колыхнется от нескольких глубоких вдохов его хозяйки. Спина медленно выпрямляется.

– Папа! – кричит Ксюша, шмякая половником незнакомке прямо по руке, сжимающей край стола.

– А-ай! – ойкает та, наконец поворачиваясь, и я тону в зелёных омутах её глаз.

Прикрываю на секунду веки, отгоняя наваждение, навязчивое и тягучее. Окидываю незнакомку холодным взглядом и в два шага подхожу к дочери.

Малышка бросается мне на шею, и нет слаще этого мгновения. Никогда не было. Что бы ни происходило в этом грёбанном мире, оно может просто отправиться восвояси, когда эта маленькая девочка рядом со мной.

– Папочка! Наконец-то ты приехал! Я уже *заскучалась* без тебя.

– Соскучилась, – поправляю машинально. – Скажи-ка мне, Ксюшенька, почему в такое позднее время ты ещё не в кровати и не видишь десятый сон?

Кажется, зеленоглазка хмыкает за моей спиной, что только раздражает.

– Мы с няней Аней *лепки* печенье. Красивое. Вкусное. Специально для тебя, папочка. – лепечет дочка.

Няня Аня, значит? Зеленоглазая красавица. Ведьма, не

иначе. Все они ведьмы, уж мне-то не знать!

– Пекли, – говорю дочери. – Для этого есть более подходящее время. Так поздно ты должна спать.

Крохотные глазки наполняются слезами, но я непреклонен. В вопросах воспитания я не позволяю себе или кому-то другому дать слабину. И на то, конечно, есть причины.

Ксюша до безумия похожа на свою мать, особу крайне легкомысленную и взбалмошную. И я не хочу, чтобы Ксюша пошла по её стопам.

Лучше сейчас проявить твёрдость, чем потом отлавливать по кабакам под разными веществами в окружении депутатских сынков.

Я целую дочь в лобик и строго говорю:

– Ступай спать, Ксения. Завтра я вернусь с работы пораньше и мы проведём время вместе, обещаю.

Нижняя губа дрожит, когда Ксюша неловко отстраняется и спрыгивает с островка. В огромном колпаке она похожа на Смurfетту, и мне бы рассмеяться, подхватить её на руки и простить маленькое непослушание, ведь запах выпечки стоит просто великолепный. Но стоит раз уступить, как маленькая всезнайка непременно начнёт этим пользоваться. И однажды я упущу её, как упустил её мать.

Няня нервно дёргается и собирается пойти следом, но я останавливаю:

– Я попросил бы вас задержаться.

Она поворачивается, но не подходит. В зелёных глазах по-

лыхает ярость. Забавно! Ещё никогда обслуживающий персонал не дерзил мне в моём же доме.

– Как вас там..?

– Меня зовут Анна Евгеньевна, – говорит едва ли не с вызовом.

Я закатываю глаза, усмехаясь.

– Так вот, Анна Евгеньевна, меня зовут Олег Фёдорович, и в этом доме правила устанавливаю я. Особенно, для всего, что касается моей дочери. Ровно в десять часов в её спальне выключается свет, и Ксюша должна лежать в своей постели, полностью готовая ко сну. Никакие *кулинарные* делишки, никакие встречи, никакие гулянки, никакие игры не должны выходить за рамки оговоренного времени. Это вам ясно?

Она сдержанно кивает, закусывая губу. Ни капли страха во взгляде. Другая бы уже торопилась просить прощения, а эта стоит, словно кол проглотила. Прямая спина. Плечи гордо расправлены. Грудь часто вздымается, выдавая её волнение, но я чётко осознаю, няню не беспокоит ни мой строгий голос, ни хмурость, ни боевой настрой. Что-то другое.

– Следующее... – продолжаю я, добавив в голос стали. Нужно сразу ограничить пределы допустимого, пока её доброта не нанесла непоправимый вред воспитанию малышки.

– Пока вы не начали, Олег Фёдорович, – бесцеремонно перебивает Анна. – Могу я оставить вас на несколько минут?

Что, как в школе? В туалет на контрольной приспичило? Проняло? Испугалась?

От этого сравнения уголки губ невольно ползут вверх, но она прекрасно остужает мой пыл.

– До того, как вы ознакомите меня с правилами поведения вашего ребёнка в вашем доме, позвольте мне для начала уложить Ксюшу спать. А то ведь наверняка плачет сейчас. Вы вообще представляете, как ей обидно? Она так скучала, все уши прожужжала, какой у неё хороший и добрый папочка! Так хотела вас дождаться. Мы и печенье это напекли, чтобы вам приятно было. А вы... – она качает головой, а в зелёных глазах плещется негодование и разочарование.

От неожиданности её слов я, признаться, так и застываю истуканом. Да язык словно прилипает к нёбу. Даже не сразу нахожусь, что сказать.

А не встретив сопротивления, зеленоглазая ведьма няня Аня лихо разворачивается на пятках и уходит с кухни, покачивая своим пышным бантом.

Из прострации меня вырывает голос Галины Андреевны:

– Олег Фёдорович, вы бы молочка с печеньем, а? Девочки так старались!

Мне кажется, или даже в голосе помощницы по хозяйству слышится упрёк? Чёрте что!

– Ладно, – устало вздыхаю вместо разборок. – Давайте своё молоко.

В мгновение ока женщина веселеет, ставит передо мной стакан, наливает из ковшика тёплого молока, добавляет ложечку мёда – так пьёт моя дочь – и придвигает ближе пече-

нье.

С сомнением беру одно. Кривенькое, с разноцветными пятнами от потёкшей глазури, с дурацкими крендельками... Надкусываю и едва сдерживаю стон удовольствия. Это реально очень вкусно. Гораздо вкуснее, чем выглядит.

Песочная сдоба идеально мягко тает во рту, рассыпаясь на восхитительные крупички. Привкус сладкий и солоноватый одновременно, за счёт шоколадных конфеток и кренделей.

Я съедаю несколько. Да что там съедаю! Проглатываю! Запиваю доброй порцией молока и благодарю Галину Андреевну, нашу добрую фею-крёстную. Без неё дом давно бы развалился, а я совсем бы пропал, разрываясь между Ксюшкой и работой.

Воспоминание о дочери навевают воспоминания и о её новой няне. Точнее, о её словах. И я иду в спальню к дочери.

Тихо заглядываю внутрь. Няня Аня лежит у стенки, а малышка горько плачет, уткнувшись в нянину грудь.

Я подхожу к кровати и ложусь с краю, с лёгкостью перекачивая плачущую кроху на себя.

– Прости меня, Ксюш, ладно? – шепчу, покрывая неуклюжими поцелуями влажное от слёз детское личико. – Папа очень устал от командировки и перелёта.

– И ты больше так не будешь? – спрашивает она, шмыгая носом.

– Не буду. – киваю с самым честным и серьёзным видом. – А ты будешь слушаться?

– Буду. Клятва на мизинчиках?

Ксюша протягивает мне согнутый крохотный пальчик, и я ничего не могу поделать. Взгляд притягивает к молодой женщине, лежащей за моей дочерью.

Это она научила Ксюшу? Наверное. Кто же ещё?

Мой взгляд пересекается с её, зелёным, и Анна вздрагивает, съезжая вниз по подушке.

– Ну раз вы больше не в ссоре, пожалуй, я оставлю вас наедине, – тихо говорит девушка. – А вы тут укладывайтесь спать. Уже действительно поздно, Кнопочка, и тебе давно надо было быть в кровати.

Я вздыхаю про себя. Лежать с няней в одной кровати кажется мне безумием, волнующим не на шутку.

– Нет, няня Аня, не уходи, – не разделяет моих волнений Ксюша. – Полежи со мной. Подержи меня за ручку.

Анна бросает на меня пронзительный зелёный взгляд, но остаётся, сделав несколько глубоких рваных вдохов.

Мы так и лежим. Я. На мне Ксюша, которая держится ручкой за руку своей няни. И няня, от которой я не отвожу взгляда. Которая смотрит безотрывно на меня. Словно... боится.

В полной тишине начинает посапывать Ксения. Для верности я выжидаю ещё несколько минут, прежде чем аккуратно уложить дочку и укутать одеялом.

Я встаю и подаю руку няне, чтобы не ползла до изножья. Анна деликатно вкладывает свои пальцы в мою ладонь, и я

тяну девушку на себя.

От смущения щёки Анны Евгеньевны алеют, делая прекрасное лицо по-настоящему красивым.

Стоит только её ногам коснуться твёрдой поверхности паркета, как Аня вырывает свою руку и шествует к двери.

– Теперь поговорим? – спрашивает она в коридоре. – Ну, о правилах поведения в вашем доме, Олег Фёдорович.

– Ступайте спать, Анна Евгеньевна, – бросаю, проходя мимо. – Утро вечера мудренее.

– Спасибо, – кивает она. Уголки губ ползут вверх, образуя на щеках очаровательные ямочки. – Спокойной ночи.

Мы расходимся в разные стороны. Не знаю, почему, но уверен: теперь покой мне будет разве что сниться. И то вряд ли.

За завтраком меня ждёт сюрприз. Няня Аня, чопорно попивающая чай с идеально-ровной спиной, взирает на моё появление своим зеленоглазым взглядом.

– Доброе утро, – бурчу под нос.

Мне не понятно, чего эта чудачка вскочила ни свет ни заря. Ксюша не встаёт раньше восьми, а учитывая, что легла вчера так поздно, то, в лучшем случае, поднимется к десяти. И будет не в духе из-за нарушения режима сна.

Где-то в глубине души я даже чуточку злорадствую по этому поводу. Что ж, в следующий раз Анна Евгеньевна не будет столь опрометчиво игнорировать свои обязанности!

Если, конечно, задержится.

Няни в нашем доме почему-то не приживаются.

– Доброе утро, Олег Фёдорович! – разливаются мурашками по спине колокольчики её голоса. – Как спалось?

Мне слышится издёвка, но женский взгляд сохраняет серьёзность.

– Словно и не спалось вовсе.

– Вы спите с закрытой форточкой? – неожиданно интересуется Анна.

– Да, а что?

– У вас в доме слишком сухой и жаркий воздух. Это причина бессонницы и частых недосыпов. Нужно обязательно хорошенько проветривать перед сном, оснастить спальню увлажнителями, оставлять форточку открытой на ночь.

– А вы, стало быть, эксперт в этой области? – язвлю в ответ.

Аня фыркает в чашку, делает медленный глоток и заявляет:

– Нет, просто у меня медицинское образование. Но фокусы с проветриваниями и так всем известный факт.

– Медицинское? Разве вы не педагог дошкольного образования? – присвистываю, проглатывая её намёк на мою житейскую безграмотность.

– Я работала в медицинском кабинете в детском саду, – уточняет она, поглядывая странно.

С опасением, что ли. Боится, что не подойдёт мне в качестве няни? Тьфу-ты! Дочери моей не подойдёт, конечно.

Уж вроде сам вырос, давно мужчина самодостаточный, и в няньках не нуждаюсь!

– Это замечательно. О лучшем я и не мечтал. – нисколько не кривлю я душой. – Няня, не только прекрасно ладящая с детьми, но ещё и с медицинским образованием, с опытом работы в дошкольном учреждении... Да я везунчик!

Анна сощуривает свои зелёные глаза и интересуется:

– Иронизируете?

Мой громкий хохот оглашает столовую. Она мне, однозначно, нравится!

– Нисколечко! – заверяю её. – Но давайте окончательно расставим все точки, дабы избежать недоразумений. Будет жаль прощаться с вами, едва встретившись.

Её ровная спина выпрямляется ещё больше, и Анна Евгеньевна отставляет в сторону кружку с недопитым чаем.

– Да, давайте скорее вернёмся к нашим баранам, – говорит мне, и я, так не вовремя делающий глоток кофе, закашливаюсь. Анна торопится исправиться: – В смысле, к правилам и прочим наставлениям.

Я не тороплюсь. Нарочно начинаю есть, поглядывая на девушку. Медленно, тщательно пережёвывая невесомый омлет.

Лицо Анны Евгеньевны идёт пятнами, но она терпеливо ждёт начала разговора. Натянута как струна, она забавит меня. Неужто я у неё первый? В плане, работодатель первый. Ну и мысли вспыхивают рядом с ней!

– Скажите, Анна Евгеньевна, – начинаю я, вытирая рот накрахмаленной салфеткой. – Правильно ли я понял, что до этого вы не работали частным образом, в семье?

– Да, это так, – понуро отвечает она. – Но я не думаю, что в работе с одним ребёнком может возникнуть больше сложностей, чем с целой толпой малышей.

– Верно, – одобрительно киваю, – особенно, если вы станете впредь неукоснительно соблюдать несложные правила.

– С этим не возникнет проблем.

– Чудесно. Правил не так много на самом деле. Первое, как я и сказал, это соблюдение режима сна. Ксюша должна засыпать в десять часов вечера и подниматься в восемь утра. Если вы гуляете в городе, посещаете выставки, музеи, театры, если у вас возникает необходимость перекусить, то никакого фастфуда. Это второе. И самое главное, третье правило – Ксюше запрещено смотреть телевизор или онлайн записи. Никаких шоу, мультфильмов, сериалов, кино. Никаких. Абсолютно.

Она смотрит на меня как на идиота, на самодура, но мне плевать на её мнение. Это моя дочь, и я решаю. Тем более, у меня имеются причины для этого запрета.

– Вы уверены в целесообразности этих запретов? – осторожно спрашивает няня Аня.

Теперь, кажется, моя очередь смотреть на неё, как на идиотку. Она посылает мне снисходительную улыбку и поясняет:

– Это крайне непедagogично. Видите ли, Олег Фёдорович, при жёстких ограничительных мерах у детей срабатывает некий сигнал. Ну, вы же знаете, не можете не знать, про запретный плод. Он всегда сладок. Чем больше запретов, тем выше вероятность, что ребёнок захочет это попробовать только из-за того, что это категорически нельзя получить в семье. Таким образом, мы получаем расстройство пищевого поведения, то, что дети ищут – и находят – запрещённый контент в сети, общение онлайн с сомнительными людьми, частые ссоры с родителями, которые, как думают дети, не понимают их, игнорируют, не добавляют своей заботы, ласки, любви, даже побег из дома...

Со скучающим видом смотрю на часы. Не хочу показывать, как меня выводит из себя эта чопорная сухая женщина с горящим зеленоглазым взглядом. Её пухлые губы всё говорят и говорят без остановки, отчитывая меня. Словно она действительно знает, что нужно моей дочери! Ксюша и так прекрасно живёт без телевизора, телефона или планшета!

Только перестала просыпаться в кошмарах из-за произошедшего. Только забыла про случайно увиденный выпуск новостей. Неизвестно, что она может ещё увидеть или услышать по «ящику», поэтому ни в коем случае нельзя допускать повторения. Нельзя допустить, чтобы из-за случайного репортажа моя дочь снова начала впадать в истерику и задыхаться от ужаса.

– Я не думаю, что в дошкольном возрасте реально стоит

переживать о расстройствах пищевого поведения и побегах из дома, Анна Евгеньевна, – отрезаю я. – Поэтому будьте так любезны соблюдать правила моего дома, в противном случае, я буду вынужден указать вам на дверь!

Она поджимает губы. Щёки покрываются красными пятнами. В зелёных глазах блистают искры недовольства. Но её ума хватает на то, чтобы не перечить.

– Надеюсь, вы знаете, Анна Евгеньевна, что всё тайное рано или поздно становится явным? Так вот, не сомневайтесь, я узнаю, если вы ослушаетесь. Я бы с удовольствием продолжил наш чудесный разговор, но мне уже пора на работу.

– Не забудьте, что вы обещали Ксюше, – еле слышно напоминает Аня.

Я останавливаюсь, едва дойдя до двери.

– Что именно? – спрашиваю, не оборачиваясь на неё.

– Приехать пораньше и уделить ей время.

– Я постараюсь. Хорошего дня.

– До вечера, Олег Фёдорович!

Весь день я в разъездах. От офиса в администрацию больницы на переговоры, оттуда – на производство и обратно в офис. У меня всегда очень много дел и высокая занятость. Обычно на работе я отключаю всё остальное и пытаюсь сделать этот мир чуточку лучше.

Но именно сегодня я часто бросаю взгляд на часы, отмеряя минуты до конца рабочего дня.

Нет, дело вовсе не в словах няни Ани. Разве она мне указ?

Тем более, что она всего-то мне напомнила о собственном обещании. А вот Ксюша, скучающая по папе, однозначно заслужила моего внимания. Земля не перестанет вращаться, если я стану приходить домой вовремя и побольше уделять времени семье!

Ровно в шесть вечера я оставляю всю документацию, все отчёты и счета прямо там, на своём столе, и покидаю офис под задумчивым и чуточку любопытствующим взглядом секретарши Любочки.

Любочке хорошо за тридцать, она счастливая жена и мать четырёх детей. Чаще сидит на больничных, чем в приёмной, но умудряется держать в полном порядке все бумаги и мой график, поэтому я ни за какие коврижки не соглашусь заменить её на кого-то другого. Она незаменима. Даже если рождает очередного младенца.

И сейчас я киваю ей на прощание:

– Люб, я к дочери, перенеси встречу на любое удобное *рабочее* время.

Кажется, её челюсть падает вниз, но я не дожидаясь восхищённых восклицаний.

По дороге заезжаю в кондитерскую и покупаю любимые Ксюшины корзиночки с кремом. А поразмыслив немного, решаю прихватить ещё и набор из разнообразных пирожных. Не знаю, ест ли чопорная няня сладкое, но мне хочется ей угодить. Просто любопытства ради. Какое выберет?

Дома снова светопреставление. Двор мерцает разноцвет-

ными огнями, почти в каждом окне горит свет. Но ни в большом зале, ни в столовой, ни даже на кухне нет ни души.

Зато прекрасно слышатся голоса сверху. Из детской.

Я взбегаю по лестнице и заглядываю в дверь.

За маленьким столиком сидят Ксюша, няня Аня и Галина Андреевна. А ещё куча кукол, медвежат и зайцев. Какого чёрта здесь происходит?

– Добрый вечер всем! – обозначаю своё присутствие, и Ксюша испуганно ойкает. – Чем занимаетесь?

Няня поднимается из-за стола, и я вижу вчерашний наряд. Зелёные глаза смотрят умоляюще, когда она говорит мне:

– Добрый вечер, Олег Фёдорович! А у нас тут праздничный ужин. У Уильяма, оказывается, сегодня день рождения, поэтому Ксюша устроила ему праздник.

Я закатываю глаза. Ясно. Меня не ждали. Чувствую, эта няня избалует мою дочь...

– Присоединитесь к ужину? – заканчивает Аня.

– С удовольствием, Анна Евгеньевна, – отвечаю, скорее, из вредности. Прохожу и сажусь у столика прямо на пол. – Ну и кто тут у нас именинник?

Ксюша довольно улыбается и показывает мне зайца:

– Папа, это *Увиль-ям*, познакомься.

Дочка протягивает мне плюшевую лапу, и я её пожимаю, чувствуя себя героем семейного мюзикла. Всё вокруг такое разноцветное, с обилием розовых красок, тихо играет музыка, но почему-то я фокусирую взгляд на зелёных глазах.

– Здравствуй, Уильям. С днём рождения. – говорю зайцу, и Ксенька кривляется:

– *Здваствуй, папа Олег. Сфафибо!*

– Иди ко мне, малышка. – подзываю дочку. – Иди, поцелуй папу.

Кроха радостно бросается мне на шею. На лице Ани вспыхивает еле заметная добрая улыбка, которая тут же гаснет, стоит ей увидеть мой взгляд.

– На этом празднике папу Олега кто-нибудь покормит? А то не видать вам праздничных пирожных!

Галина Андреевна, извинившись, удаляется, чтобы принести мне тарелку с ужином. И так, сидя на полу, я и ем под веселый щебет своей малышки.

Она рассказывает, как прошёл день, как понравилось ей на прогулке в саду, когда няня Аня раскачала её до самых небес, как они занимались по карточкам математикой и читали сказку. И что вместе заснули после обеда. И постепенно я расслабляюсь, отпуская все заботы до завтра.

И пусть весь мир подождёт!

Семейный вечер проходит душевно. Несмотря на то, что я вынужден познакомиться со всеми *гостями* кролика Уильяма, я отдыхаю душой, телом и мыслями от всего, что окружает меня в обычной жизни.

Но рано или поздно всему наступает конец.

– Ксюша, пора чистить зубки, умываться и забираться в кроватку! – командую я, когда все пирожные изничтожены,

выпито литра три чаю, а мы втроём – я, дочь и няня – сыграли в три настолки подряд.

– Ну-у-у, папочка! Пожалуйста! – глаза крошки наполняются слезами, но я непреклонен.

– Ксюнька, – няня Аня опускается на корточки и принимает мою дочь, – будь умницей. Ты мне что обещала? Давай сейчас вы с папой пойдёте умываться, а я уложу твоих друзей спать?

– А меня уложишь? – спрашивает моя девочка, обнимая няню за шею.

– Наверное, папа сам захочет тебя уложить, – Аня бросает на меня быстрый взгляд.

– Да, детка. Няня Аня права. Давай-ка побудем немножко вдвоём.

– Ну ладно, – надувается ребёнок.

И хотя банные процедуры проходят гладко, лёжа в кровати Ксюша никак не может улечься и капризничает.

– Ну чего я могу для тебя сделать? – упираюсь в маленький лобик и заглядываю в её глазки.

– Позови няню Аню, – всплакивает Ксюша. Губы дрожат. Глаза наполнены слёзками-росинками. Кажется, катастрофа неминуема.

Что ж, делать нечего. Я быстро иду до двери соседней комнаты и коротко стучу.

Словно стояла под дверью и ждала, няня мгновенно открывает и взирает на меня зелёными глазами.

– Анна Евгеньевна, там Ксюша вас требует, – с досадой говорю ей.

Дело в том, что моя дочь уже давненько засыпает самостоятельно, а появление этой няни разбаловало её.

– Идёмте, – с готовностью кивает она.

Только сейчас я обращаю внимание на её мягкую трикотажную пижаму, больше похожую на спортивный костюм. Хотя... тут и не разберёшь. Женская мода сейчас слишком многогранна, а я не самый большой её знаток.

– Что случилось, малышка? – ласково спрашивает няня, опускаясь на краешек кровати дочери. Она бегло касается детского лба, как я понимаю, проверяя наличие температуры. – Пора засыпать, завтра мы поедem на занятия в группу.

– Ты можешь полежать со мной? Как днём? И подержать меня за ручку? – упрашивает Ксюша.

Няня вздыхает:

– Конечно, малышка.

– Ну тогда не буду вам мешать, – бормочу я, разглядывая, как Аня на четвереньках быстро добирается до подушки.

– Папочка, полежи тоже со мной, – просит дочь.

Нянины щёки покрываются румянцем. Я чувствую смущение, неловкость от сложившейся ситуации, но не отказываю дочери. Завтра я поговорю с девочкой и объясню, почему ей не стоит просить о подобном.

Чужие люди не должны лежать в одной кровати, даже если между ними ребёнок.

Я устраиваюсь с краю. Ксюша ложится на животик, обнимает меня правой рукой. Левая доверительно ложится в ладонь няни, которая всеми силами игнорирует моё присутствие.

Жаль, что у меня не получается. Она хорошенькая. Тёплая, розовощёкая. Такая настоящая! И очень добрая. С огромным сердцем. Я уверен. Иначе почему моя дочь так привязалась к ней?

Однозначно, в ней скрывается какая-то загадка. И мне, как любому исследователю, не терпится её разгадать.

Глава 3. Привыкание

Анна

Даже и не знаю, кто из них засыпает раньше. Ксюша или её папа?

Папа Ксюши вызывает во мне волнение, трепет. Мне бо-
язно находиться рядом с ним.

Его глаза цвета стали смотрят сердито, строго и устало. Словно то, что он делает каждый день на своей важной ра-
боте сильно изматывает его.

Про Олега Аторова в нашем регионе не знает разве что ленивый. Ну или слепоглухонемой.

Владелец крупнейшей фармкорпорации, пообещавший
победить рак, оснастивший современнейший онкологиче-
ский центр, спонсирующий экспериментальное лечение тя-
жёлых пациентов. Детей, у которых уже нет другого шанса.
Каждую победу, каждую ремиссию Олег Фёдорович освеща-
ет с размахом, каждое поражение принимает близко к серд-
цу.

Всем известно, что Аторов очень хороший человек. Доб-
рой души. Бескорыстный. Радеющий за своё дело.

И как это часто бывает, его собственная дочь, маленькая
Ксюша, остро нуждается во внимании и любви родителей.
Но этого она, увы, лишена.

За несколько дней, которые я провела в доме Аторова, я

сполна успела составить своё мнение. Спасение мира, это, конечно, здорово. Благородно. Достойно. Олег – сильный, волевой мужчина. Но есть кое-что поважнее этого.

А именно, девочка, что так похожа на него. Самая замечательная девочка на свете, каких мне только доводилось видеть. Умная, озорная, талантливая. В ней столько эмоций, красок, самой жизни, что мне хочется плакать. Но не от боли, не от грусти. От счастья, которым я заряжаюсь рядом с ней. Девочка – батарейка. Девочка – улыбка. Девочка – душа.

Я согреваюсь рядом с ней. И я хочу, чтобы она не хмурила бровки, когда думает о папе. Он для неё целый мир. Далёкий и недостижимый. И я хочу приложить некоторые усилия, чтобы их семья стала чуточку ближе, пока у меня есть немного времени рядом с ними.

Я знаю, что моё положение незавидное. Как только Ато-ров узнает, кто я есть на самом деле, он выставит меня за дверь. Оправдываться, объясняться я не стану, это слишком личное. А сам он не поймёт. Никто не поймёт.

Ксюша расслабляет пальчики, и крохотная ладошка раскрывается. Я убираю руку, тихо поднимаюсь, целую детскую макушку, поправляя одеяло, и в последний момент накидываю на ноги хозяина плед.

На секунду я задерживаюсь в комнате и разглядываю лицо Олега Фёдоровича. Определённо, он слишком мало отдыхает! Интересно, что случилось с его женой? Ксюша ни разу не поднимала эту тему. А сама я постеснялась спросить

у Галины Андреевны. Ладно, это, в общем-то, неважно. По своей воле или по воле судьбы, но она покинула свою семью. И если она сделала это сама, то будет трижды дурой! Разве можно сознательно бросить такую славную кроху и её потерявшегося в этой жизни папочку?

Перед тем, как отправиться к себе в комнату, я спускаюсь по тёмной лестнице, зажигаю свет в кухне и наливаю стакан молока. Пока разогреваю его в микроволновке, внимательно наблюдая, чтобы не перегрелось, ничего вокруг не замечаю.

Потому, повернувшись к столу, пугаюсь не на шутку чёрной фигуры, застывшей в дверях. От неожиданности пальцы ослабевают, и стакан летит на пол, разбиваясь вдребезги.

– На счастье, Анна Евгеньевна! – усмехается Аторов, бросаюсь мне на помощь.

Он собирает осколки. Я вытираю салфетками горячее молоко. Мы то и дело врезаемся то пальцами, то взглядами.

Сталь пугает меня. Холодная, словно неживая вовсе. До тех пор, пока Аторов вдруг не улыбается:

– Вы так испуганно смотрите, Анна Евгеньевна! – сетует он. – Словно боитесь, что я вычту это из вашего оклада.

– Ну что вы, вовсе нет, – издаю сдавленный смешок. – Я уверена, что именно так вы и поступите.

Он раздражается смехом. Жизнерадостным, звонким. От которого моё напряжение становится лишь сильнее.

– Вот вы, значит, какого обо мне мнения? Считаете, я скряга?

– Нет. Считаю, что это было бы логично – вычесть из зарплаты сотрудника стоимость разбитого стакана.

– Анна Евгеньевна, миленькая, откровенно говоря, я же сам виноват в произошедшем. Если бы я обозначил своё присутствие, этого недоразумения удалось бы избежать. А я стоял истуканом и наблюдал за вами.

– Следили, значит? – с усмешкой спрашиваю у него.

– Наблюдал, – поправляет Аторов. – Вы абсолютно новый человек в моём доме, и мне интересно узнать вас поближе. Как своего сотрудника, как человека, который столько времени проводит с моим ребёнком. Ксюша очарована вами, и мне не терпится разгадать загадку и ответить на вопрос: «почему?».

– Не бойтесь, что в конце этого пути вас будет ждать сплошное разочарование?

Мне не нравится, какой оборот начинает принимать этот ерундовый разговор. А ещё больше не нравится проникновенный взгляд мужчины. Сталь его глаз словно пробирается под кожу, скользит по венам, считывая зашифрованную в клетках ДНК информацию.

– Мне есть, о чём волноваться? – серьёзно спрашивает Аторов, проникая взглядом в мою душу. Мрачную, тоскливую, пустую. – Мне есть, о чём переживать, Аня?

Не знаю, каких невероятных усилий мне стоит удержать его взгляд. И даже выдавить улыбку.

– Олег Фёдорович, вам не о чем волноваться. – тороплюсь

я закрыть эту тему. Раз и навсегда. — Если бы вам было, о чём переживать, меня бы тут не было.

— Ах, да! Агентство! — загадочно улыбается хозяин дома. — Вы правы, Анна Евгеньевна. Я немного... нагнетаю обстановку. Такой уж человек. Просто моя дочь толком и не общалась так близко с женщинами, кроме Галины Андреевны, и я немного переживаю за её привязанность к вам.

— Ещё раз, Олег Фёдорович, — терпеливо говорю ему. — Вам не о чем переживать. Ксюша любит вас, вы её отец. Вы нужны ей. Она жаждет вашего внимания, вашей ласки, вашей любви. Я всего лишь небольшая замена в ваше отсутствие. Девочка нуждается в заботе и тепле. А я... просто не могу иначе. Не умею отказать ребёнку. Но это всегда будет ваш ребёнок.

— Вы решили, что я ревную? — посмеивается мужчина, и я пожимаю плечами. — Анна Евгеньевна, вы кажетесь мне умной женщиной. Я привык оценивать риски, и сейчас я просто пытаюсь понять, чем рискую, оставляя свою дочь с кем-то столь очаровательным, к кому она привязывается со скоростью света. Однажды вы уйдёте от нас, и именно мне придётся объяснять Ксении, почему вы не можете остаться.

— Я рассматриваю долгосрочную перспективу работы в вашем доме, Олег Фёдорович. Меня более чем устраивают условия, моя подопечная — чистое золото, с Ксюшей приятно и легко работать. Я не планирую устраивать свою личную жизнь по *личным причинам*, которые на данном этапе жиз-

ни не хотела бы обсуждать, поэтому, если вас всё устроит и вы не решите выставить меня с этой вакансии, мы можем попробовать выстроить благоприятную среду для всестороннего развития вашей дочери. Но мне потребуется ваша помощь, потому что, как я упоминала ранее, Ксюша нуждается в своём родителе, и я никогда не смогу вас заменить.

Аторов задумчиво почёсывает голову, запустив пальцы в вихры волос.

– А знаете, няня Аня? Мне нравится ваш подход. И очень интересно, что же из всего этого получится. В какой-то степени, я – экспериментатор. Так что, дерзайте, Анна Евгеньевна! Я доверюсь вам, а вы организуйте весь этот наш с вами симбиоз для осчастливливания моей дочери. Я вдруг подумал, что действительно слишком мало времени ей уделял. Видите? Вы уже положительно влияете на нашу семью. А что же будет дальше?!

Аторов смотрит на меня с улыбкой, а я совсем не понимаю: он, что, издевается?!

Но, как оказалось впоследствии, Олег Фёдорович не издевался.

Всю неделю он старательно возвращался домой пораньше, уделял внимание довольной донельзя Ксюшке и укладывал её спать. Очень старался. Но девочка всё равно продолжала звать меня, чтобы я подержала её за ручку. Так странно и засыпала между мной и своим отцом, пока я смущалась от частых стальных взглядов Аторова.

Тем страннее мне сейчас, когда мы идём втроём по набережной. Ксюша крепко держится за мою и папину руку, периодически просит поднять её вверх, чтобы она могла полетать.

Сегодня суббота, и Олег Фёдорович спонтанно вывез нас в город после завтрака.

Завидев качели, Ксения вырывается и убегает вперёд, и я хочу броситься за ней. Но Аторов меня останавливает:

– Анна Евгеньевна, всё в порядке. Она на виду, и ей просто необходимо немного самостоятельности.

– Вы считаете? – я обеспокоенно поглядываю ей вслед. – Просто она ещё такая крошка..!

– Аня, вы очарованы ею? Признайтесь же! – мужчина, посмеиваясь, берёт меня под локоток, и мы проходим через скопление родителей.

– Разве может быть иначе? – я удивлена. Разве он сам не очарован своим ребёнком?

– Ну я-то – понятно, – отвечает он на мой невысказанный вопрос. – Но ни одна наша няня до вас не была столь увлечена своей работой. Вы же словно...

Он замолкает. И хорошо. Ни к чему эти сравнения. Невозможно заменить мать, хотя я начинаю испытывать к своей подопечной слишком много разных чувств, которые отдалённо напоминают материнские.

Эти эмоции настолько захватывают меня, что я практически не обращаю внимание больше ни на что и ни на кого,

кроме маленькой девочки Ксюши.

Мне удивительно, что я *оживаю* рядом с ней, начинаю забывать о насущных проблемах и всём прочем. И это мне нравится. Рядом с ней моя жизнь снова наполняется смыслом.

– Нам очень повезло с вами, Анна. – вырывает меня из раздумий голос Аторова.

– А мне с вами, – ляпаю я невпопад.

– Нам с вами больше, – каламбурит мой работодатель. – Вы даже не представляете, насколько Ксения была замкнута и как раскрывается, благодаря вам.

– Ксюша? Замкнута? Вот уж никогда не поверю!

– Да, представьте. Не всегда, но одно время.

– После того, как вы расстались с её матерью? – проницательно спрашиваю у него, и он морщится.

– Не из-за этого. Проблемы начались примерно через год после рождения Ксюши. Её мать просто классический пример отвратительной матери. Она не кормила сама, чтобы сохранить упругость кожи в зоне декольте. Что ж, надеюсь, усилия оправданы и она смогла стать счастливой.

– Многие женщины не поддерживают грудное вскармливание по разным причинам, – я пожимаю плечами.

– Но, при этом, они наверняка занимаются своим ребёнком, а не запивают быстродействующие вещества отвратным пойлом по клубам! – Аторов снисходительно улыбается. – Неужели Галина Андреевна вам ещё ничего не рассказала?

– Нет, у меня нет привычки собирать сплетни о людях.

Если возникнет необходимость, думаю, вы и сами мне расскажете то, что мне нужно знать.

– Три няни до вас первым вопросом с этим к ней приставали, – усмехается он. – А вы не любопытничали, значит?

– Как правило, любопытство такого рода подразумевает наличие интереса. У меня интереса нет. Только и всего.

– Чёрт! – смеётся мой собеседник. – А вот это даже как-то немного обидно! Я, можно сказать...

– Папа! Няня Аня! – кричит Ксюша, так своевременно обрывая наш неловкий разговор. – Смотрите, как я могу!

Она чуть притормаживает ножками, а потом прыгает с качели, отрывая ручки от канатов. Но, не удержавшись на ногах, падает прямо под несущуюся на неё качель.

Реакция Аторова впечатляет. Словно метеор, он срывается с места, в мгновение ока оказывается возле дочери и выхватывает её из-под качели в тот самый момент, когда она влетает ему в голову.

Я бросаюсь к боссу и первым делом осматриваю его. Рассечение над бровью, кровь стекает быстрой красной струйкой, но я не думаю, что травма на самом деле серьёзная. Ксюшка тоненько завывает от страха, словно маленькая скрипка, и я неуклюже плюхаюсь прямо на колени рядом с ней.

Девочка тут же протягивает ручонку, обнимая меня за шею, и тянет на себя, другой рукой крепко сжимая шею отца.

– Испугалась? – спрашиваю у неё, и она кивает. – Не бой-

ся, всё уже позади. Всё хорошо. Ты не ушиблась, не поранилась, всё в порядке.

– Кое-кому нужно быть повнимательнее на детской площадке, – говорит Аторов. Я закатываю глаза и тяжело вздыхаю. – Что?

– Ничего, Олег Фёдорович, – говорю ему и выразительно показываю глазами на девочку.

Он явно не понимает моих намёков.

– Эти игровые зоны очень травмоопасны. Здесь легко можно разбить голову, свернуть шею и переломать конечности...

– Достаточно, – перебиваю его, чувствуя, что Ксюша начинает плакать горше. – Давайте отойдём, я осмотрю вас.

Я поднимаюсь, беру за руку малышку, и мы ждём её отца. Устроившись на ближайшей лавке, я достаю из сумки обеззараживающий порошок, влажные салфетки и упаковку пластырей.

– Какая вы у нас строгая нянечка, – протягивает Аторов, заглядывая мне в лицо.

Я чувствую его жаркое дыхание на губах, чувствую, как стальной взгляд очерчивает мои губы...

– Вот, Олег Фёдорович, выбирайте пока рисунок, – пихаю ему в руки коробку, и он усмехается:

– Ксюнька, хочешь помочь папе выбрать самый красивый?

– Да, папочка! – горестно вздыхает девочка. – Только ты снова меня заругаешь. Для мальчиков тут рисунков нет.

– Выбери тот, который нравится тебе, ладно? Я не буду тебя ругать.

– Обещаешь? – оживает кроха.

– Конечно, доченька. Не буду. Прости папу, ладно? Я просто очень сильно за тебя испугался.

Аторов наклоняется и целует дочь, а у меня ком в горле встаёт. Всё-таки их отношения, хоть и хрупкие, хоть и неустойчивые, но такие нежные и трогательные!

Пока Ксюша отвлечена очень важной миссией и выкладывает на лавку разноцветные пластыри, я вытягиваю салфетку и стираю кровь.

– Сейчас будет больно, – предупреждаю мужчину. – Мне нужно надавить, чтобы посмотреть нет ли в ранке соринки.

– Ранки, соринки... Аня Евгеньевна, мне не пять лет. Давайте, что надо. Я мужественно перенесу все ваши манипуляции.

Я закатываю глаза и надавливаю посильнее, выпуская пару свежих капель крови. Аторов шипит сквозь зубы и чертыхается:

– Вообще-то, это больно!

– Вообще-то, я предупреждала! – передразниваю его.

Сталь в глазах подозрительно сияет, а полные губы расплываются в притягательной улыбке.

– Вы такая очаровательная, Анна Евгеньевна.

– Ой, как сильно вас, барин, по голове приложило! – тихо фыркая, пробегаюсь пальцами по лицу мужчины.

Олег Фёдорович поднимает руку и кладёт ладонь поверх моей руки, несильно сжимая, прижимая мою ладонь теснее к своей коже.

– Вы должны носить предупреждающие знаки, Анна Евгеньевна! – еле слышно говорит он. – Ваша забота может вызывать привыкание...

– Папа! – Ксюша втискивается между нами. – Смотри, какой я красивый *палстырь* тебе нашла!

Ни Аторов, ни я даже не смотрим на этот розовый клочок, не отводя взгляда друг от друга.

– Пластырь, – поправляю я Ксюню, подхватываю и вскрываю прямоугольничек, фиксируя края раны.

Хочется скорее создать дистанцию между нами, ведь рядом с ним в моей душе начинается невообразимый бардак.

Но стоит мне отвернуться, чтобы спрятать от Аторова покрасневшееся лицо, как я мгновенно об этом жалею.

В полном неверии на меня смотрят до боли знакомые глаза.

– Аня?

В полном замешательстве смотрю на Виталика, не зная, как поступить. Последнее, чего бы мне хотелось, так это чтобы он закатил скандал перед Ксюшей... и её отцом.

– Я на секунду, – бросаю Аторову через плечо и иду к бывшему мужу.

Хорошо ещё, что стоит он в отдалении. В каких-то жалких паре-тройке метров!..

– Здравствуй, Виталя, – говорю ему.

– Ты вернулась.

– Да.

– Почему сюда приехала?

– Не к тебе, не беспокойся, – сдержанно отвечаю ему, и

Виталик смотрит в сторону моего хозяина.

– Быстро же ты нашла замену! – горько усмехается, разглядывая Ксюшу, и я вспыхиваю.

– Ничего я не искала. Никого не заменяла.

– Я и вижу. Какая же ты...

– Кто? – перебиваю его. – Дрянь? Уж чья бы корова мычала!

– Анечка, всё в порядке? – ласковый баритон Аторова возникает словно из ниоткуда, а мне на талию ложится тяжёлая рука. – Мы уже заскучали. Ксюша хочет кушать.

– Да, всё хорошо, – выдыхаю я. – Ступайте к машине, я сейчас догоню.

– Ксения всё равно откажется идти без *тебя*, – усмехается Олег Фёдорович.

Господи, какого чёрта он творит?

Виталик смотрит скептически, и я боюсь, что сейчас разразится буря. Но он лишь бросает:

– Быстро же ты оправилась. Не ожидал!.. – И уходит, не попрощавшись.

Я прикрываю на мгновение глаза и делаю несколько глубоких вдохов, чтобы справиться с подкатывающими слеза-

ми.

– Вы в порядке, Анна Евгеньевна? – деликатно спрашивает Аторов.

– Олег Фёдорович... – выдыхаю я. – Вы... Вот зачем?

Смотрю на него. Сталь смягчается, когда он изучает моё лицо, прежде чем ответить.

– Я видел, что вам неприятна эта встреча, и решил вас поддержать.

Его честность обезоруживает. Я даже не знаю, как относиться к этому. Я – няня его дочери. Никто. Прислуга. Он не знает обо мне ничего. Не знает *самого главного*. Как и я не знаю ничего о нём. Но сейчас он говорит не как мой работодатель.

Сейчас передо мной стоит мужчина, в глазах которого я читаю явный интерес.

– Ну что же вы, Анна Евгеньевна? Снова злитесь? – усменяется он.

– Нет, ну что вы, Олег Фёдорович! Просто, как правило, я свято блюду сохранность своих частных границ. – закатываю глаза. – И никого стараюсь к ним не подпускать.

– Чего так, Аня? Вас кто-то обидел? Этот мужчина? – Аторов засыпает меня вопросами, от которых я вспыхиваю.

– Возможно, я просто не заинтересована в конкретном нарушителе, вы так не считаете?

Так, Аня, соберись! – приказываю себе мысленно. Я же не флиртую с собственным боссом, верно?

– Знаете, – протягивает Аторов, – а так даже интереснее. Люблю сложные задачи.

Насвистывая себе под нос бодрый мотивчик, он возвращается к лавочке и подхватывает Ксюшу на руки.

– Анна Евгеньевна, идёмте. Пора ехать в ресторан. Устроим свидание на троих... с итальянской кухней! – он довольно посмеивается от собственной весьма недвусмысленной шутки, а я поджимаю губы.

Вот ведь твердолобый и упрямый! И что с ним теперь делать? Как найти в себе силы сказать твёрдое «нет» мужчине, когда всё внутри меня трепещет рядом с ним и умоляет хоть разок поддаться и сказать «да»?

Да вот только... Терять прибыльную работёнку из-за легкомысленной связи с боссом совсем не вариант. У нас нет никакого будущего. И даже если представить, что это возможно...

Я крепко зажмуриваюсь и резко выдыхаю.

Не имею я права быть счастливой. Не после того, что я сделала.

В ресторане меня всё раздражает. Особенно кокетливая официантка, которая уже пять минут флиртует напропалую с моим боссом, даже несмотря на розовый пластырь с не менее розовыми феечками.

И это в то время, когда за столом сидим мы с Ксюнькой в ожидании, когда на нас обратят внимание!

– Кхе-кхе! – показательно кашляю я, и девица застывает.

– Мы готовы сделать заказ.

– И что же выбрали мои очаровательные дамы? – с мерзкой улыбкой спрашивает Аторов. С самой мерзкой из всех захватывающих и обворожительных мужских улыбок, которые мне доводилось только повидать в своей жизни!

– *Дями будють сюпь*, – хлопает в ладоши Ксюша.

Я смеюсь, бегло приобнимаю девочку и звонко чмокаю пушистую макушку.

– Моя ж ты умница! Настоящая светская львица!

– Нет, *влища* – это мама, а я – *влёнок*, – хохочет малышка.

– А кто же тогда папа? – проявляет интерес господин папа-тот-самый-зверь, наклоняясь над столом.

– А папа – лев! Он рычит вот так: р-р-р-ы-ы, – пародируя львиный рык, Ксюша корчит забавную мордашку.

Аторов ласково гладит её щёчку:

– Молодец, доченька! Из тебя бы получился замечательный львёнок!

– А из тебя – лев, – не остаётся в долгу крошка.

– Как думаешь, а из няни Ани получилась бы мама-львица? – царь зверей бьёт меня по живому своим дурашливым вопросом, но, конечно, этого не замечает.

Ксюша раздумывает недолго:

– Да, папочка! Она такая добрая! Из неё получилась бы *замечательная* мама-*влища*!

– Я тоже так подумал, – подмигивает мне Аторов.

От возмущения я не нахожу слов. Да что он о себе возо-

мнил?! Ведёт себя, словно... словно приставучий павиан! Ещё и втягивает в свои игрища дочь, непоседу-мартышку! Не ресторан «Райская Сицилия», а энимал плэнэт какая-то!

– Вы готовы сделать заказ? – со скучающим видом спрашивает официантка, и Олег Фёдорович наконец отрывается от своего важного занятия – прожигания меня стальными лазерами глаз – и делает заказ.

После обеда мы неторопливо прогуливаемся по морской набережной до рынка, покупаем свежую рыбу, кое-что из фруктов и овощей, а обратно возвращаемся по набережной вдоль реки, чтобы выйти ближе к припаркованной у ресторана машине, таким образом делая огромный круг по улицам города.

Я удивлена, что Аторов вообще что-то покупает сам, но тот лишь загадочно улыбается. Уж не отравить ли вздумал?

Ой, Аня, не будь душой. Знаем мы прекрасно, что им всем от нас надо! – усмехается мой внутренний голос.

Меня утешает лишь то, что Ксюша просто до безобразия счастлива проводить столько времени с отцом. Остаётся надеяться, что папа-лев не вознамерился *заполучить* свежую няньку ценой душевных переживаний собственного ребёнка.

– А можно я добегу вон до туда, до мостика, и обратно? – спрашивает Ксюша разрешение.

Я жду ответа Аторова. Входит ли беготня по улице в список запретов? Не припоминаю.

– Ксения, только будь аккуратнее, ладно?

– Ладно, папочка. Я *ук-ку-ра-тень-ка-я*, – старательно выговаривает малышка.

Олег Фёдорович улыбается. На его щеках появляются крышесносные ямочки. На моих – стыдливый румянец.

Ничего, скажу я вам, необычного. Если вы – здоровая половозрелая женщина, у которой не было мужчины более пяти лет, то это вполне закономерная реакция на раздражитель. И дело исключительно в обострившемся гормональном фоне! Мне не нравится Олег Фёдорович. Ни капельки.

Ксюша бежит по выложенной брусчаткой дорожке, и я смотрю ей вслед.

– Анна Евгеньевна, хотел спросить. Меня немного беспокоит, что Ксюша путает произношение некоторых слов, я даже подумывал обратиться... куда там обращаются с подобным? К логопеду или неврологу, может, это какая-то дислексия, а я не быю тревогу!

– Олег Фёдорович, у вас отличный, здоровый, умненький, живенький и подвижный ребёнок. – с жаром заверяю его. Он просто не знает, как ему повезло! Мало кто думает об этом, пытаюсь отыскать изъян там, где его нет. – Поверьте, никаких проблем у Ксюши нет. Для пяти лет у неё хорошее произношение, она выговаривает все звуки, не проглатывает окончания, не путает числа и рода. У неё нет никаких проблем с развитием речи. Для своего возраста Ксения имеет отличный словарный, и это вполне нормально – коверкать произ-

ношение новых, пока незнакомых или просто длинных слов. Как и произношение слов, редко употребляемых и сложных в написании. Всё исправится само по себе, не травмируйте ребёнка ненужным лечением.

– Я просто хочу для своей девочки самого лучшего, – отыскивая взглядом дочь, бормочет Аторов.

– Как и любой родитель – для своего. – тихо отвечаю ему. Ксюша мчится обратно к нам и врывается в меня. Маленькие ручонки обвивают бёдра, лоб упирается в мой живот.

– Я пить хочу, – сообщает она, и я с нестираемой улыбкой на лице извлекаю из сумки термосок с чаем.

– Вот, пожалуйста.

– Спасибо, няня Аня.

Олег Фёдорович наблюдает за нами с какой-то странной, тихой улыбкой. Даже не хочу строить догадки, о чём может думать этот мужчина. Вот не хочу и всё.

Всю дорогу до загородного дома я развлекаю Ксюшу играми и разговорами, чтобы не уснула. Хотя я и уверена, что после такой прогулки девочка уйдёт сразу в ночь, но рисковать всё же не стоит.

– А ты поддержишь меня за ручку? – хитрит Ксюша, устраниваясь удобнее в кресле.

– Ксения, давай сейчас без няниной ручки, – говорит Аторов, бросая на меня взгляд через зеркало дальнего вида. – Мы почти приехали.

– Ну, папочка, это же просто ручка, – хнычет малышка. –

Я не буду спать, честно-пречестно!

– Давай всё-таки без ручки, вот, смотри, мы уже сворачиваем на нашу улицу. – Ксюша обиженно взбрыкивает. – Хорошо, давай тогда так: сейчас без капризов и без ручки, а на десерт после ужина получишь мороженое.

– Ура! Мороженое! – вопит мне на ухо кроха. – Няня Аня, а ты будешь со мной есть мороженое?

– Если угостишь, то буду, – улыбаюсь в ответ.

– Папочка! А можно я угощу няню Аню мороженым?

– Конечно, детка.

– Спасибо, папа! Ты самый *замечательный* папа на всём белом свете!

– А ты самая замечательная дочь!

– А няня Аня самая *замечательная* няня!

– Точно!

Я лишь качаю головой. Вот может же Аторов, когда в хорошем расположении духа, быть таким прекрасным и чутким отцом без этих своих вечных правил и исправлений. Успеет ещё Ксюша и вырасти, и взрослой жизни хлебнуть. С таким папой ей, конечно, будет проще. Но никто никогда не знает, что ждёт впереди. Если уж и быть ребёнком, то сейчас у неё для этого самое время!

Дом встречает непривычной тишиной и темнотой. Поймав мой удивлённый взгляд, Олег Фёдорович поясняет:

– Экономка с садовником уехали навестить детей. Я отпустил их на эти выходные.

– О, – даже и не знаю, что сказать. – Рада за них.

Это просто замечательно, – сказала бы Ксюша, а мне хочется припечатать в конце какой-нибудь звучный эпитет.

Остаться вдвоём с боссом – Ксюша не в счёт – ну никак не входило в мои планы. Слишком... чревато. Но я стараюсь взять себя в руки. Уж не накинется он на меня!

Во время вечернего купания, пока сам хозяин развлекает свою дочь играми с пеной, я отправляюсь вниз, на кухню, чтобы налить молока с липовым мёдом.

Звонок в дверь застаёт меня врасплох по пути к лестнице, и я меняю траекторию движения.

Без страха открываю дверь – абы кто мимо охраны не пройдет! – и сердце сковывает от леденящего ужаса.

Внимательно разглядывая меня, на пороге застыл полицейский. Я прекрасно вижу его форменный китель под распахнутым пальто.

– Здравствуйте, – дрожащим голосом сиплю я. – Вы чего-то хотели?

– Ну здравствуйте, гражданочка. – серьёзно говорит мужчина. – Конечно, хотел. Вас.

Глава 4. Разгромный счёт

Аторов

Кое-как сооружаю на голове дочери тюрбан из полотенца, помогаю надеть пижамку и выношу в детскую, но там тоже пусто.

– Что-то наша няня заблудилась на кухне, – говорю Ксюше. – Пойду гляну, вдруг она не смогла победить пакет молока.

– Я с тобой, папочка! – пищит малышка, крепко обнимая мою шею. Не отпустит!

Я усмехаюсь под нос, но спускаюсь с ней на руках по лестнице. Сразу вижу напряжённую спину Анны в дверях и ставлю Ксюшу на ступеньку.

– Здесь постой, я посмотрю, – велю дочери. – Вниз не ходи, пока не разрешу, поняла?

Губы малышки дрожат, но она кивает.

Кого там принесло на ночь глядя? *Кто* мог пробраться мимо охраны? Могла ли Ангела проникнуть на территорию, чтобы попытаться вернуться в семью? Мне бы совсем, совсем этого не хотелось! Неизвестно ещё, как Ксюша отреагирует на мать. Хотя я и надеюсь, что дочь её не помнит, но уверен, Ангела не станет гнушаться манипуляциями, чтобы я позволил ей остаться. Как и любая другая девочка, Ксюша нуждается в материнской любви и заботе и не способна по-

ка, в силу возраста, понять, что её мама совсем не такая, как она себе воображает.

Но подойдя ближе к Ане, я вздыхаю с облегчением. На пороге, за хрупким телом моей няни, стоит мой брат.

– Лёха! Приветствую! – сдвигаю Анну Евгеньевну сторону и протягиваю брату руку. – Давно вернулся?

– Только приехал и сразу к тебе. – Алексей проходит внутрь дома, и мы обнимаемся. – Что за очаровательная особа?

Не очень-то мне нравится его скользкий взгляд, направленный на нашу няню. Потом, оставшись наедине, стоит предупредить, чтобы не вздумал крутить с ней шуры-муры. Обидит ещё своей неразборчивостью в личной жизни, а мне терять такой ценный кадр..!

Ну, конечно, Олежек, причина исключительно в этом! – хмыкаю мысленно. И сам себя заверяю, что да. Хорошую няню днём с огнём не сыщешь, а наша Анна Евгеньевна выше всяких похвал. Идеальная, изумительная. *Замечательная*, как сказала бы Ксюша...

– Лёх, знакомься, это Анна Евгеньевна, Ксюшина новая няня, – представляю брату. – Анна Евгеньевна, это мой брат, Аторов Алексей Фёдорович, начальник городского РОВД и просто хороший человек.

– Очень приятно, Анечка, – чёртов братец на полном серьёзе собирается облобызать нянину руку. Что и делает под скрип моих зубов. – Всегда к вашим услугам, если вдруг по-

надобится любая помощь или возникнут какие-либо проблемы, всегда буду рад помочь.

Зелёные глаза няни смотрят в растерянности, смущённо. Неприкрытый флирт моего брата, скорее, отталкивает, нежели привлекает её внимание. И я неожиданно расслабляюсь.

О чём я думаю? Эта язва отшила меня – человека, с которым каждый вечер ложится в кровать. Пусть это и детская кровать и ложится она лишь для того, чтобы уложить Ксюшу, но это же нас сближает. Немного. Сомневаюсь, что она прямо так, сходу, выберет Алёшу. Мне надо всего-то пережить этот вечер, а потом провести профилактическую беседу с братом. Нечего клеить моих няnek!

– Дядя Лёша! – кубарем слетает с лестницы Ксюша, бросаясь на дядю.

– Привет, Ксюшка! – он подхватывает её на руки и подбрасывает вверх.

– И кому я говорил, чтобы стояла на ступеньках, пока не разрешу?

– Ну это же дядя Лёша, – рассудительно кивает малышка. – Он никакой не преступник! Няня Аня, ты знаешь, какой у меня хороший дядя? Он ловит преступников и сажает их в *тюрьму*.

– В тюрьму, – поправляет её Алексей. – Потому что что, малышка? Правильно. Преступникам не место среди нас!

Слишком бледная Анна Евгеньевна становится ещё бледнее. Утомилась за сегодня, надо понимать. Обычно в это вре-

мя мы уже ложимся.

– Простите, я пойду заново погрею молоко, а то уже, наверное, остыло... – бормочет она, пятясь назад.

Мне кажется, она вздыхает с облегчением, когда я киваю, соглашаясь с её предложением. Признаться честно, я и сам рад её уходу. В отличие от моего брата.

Впрочем, моё облегчение длится недолго. Мы перемещаемся следом за няней, потому что Ксюша это Ксюша.

– Дядя Лёша! А ты знаешь, какая няня Аня хорошая? Она такое вкусное молоко делает! Хочешь, я попрошу, чтобы она и тебе сделала? – говорит малютка, утягивая податливого родственника за собой.

Анна Евгеньевна, проглотившая кол, молча наливает по стакану молока на всех, выставляет на стол печенье и мёд и устало вздыхает.

– Ксения, пей скорее, и пойдём спать. Уже слишком поздно, – говорит она моей дочери.

– Не-а! Я буду с дядей Лёшей сидеть, – протестует кроха.

– Ксюша, на днях мы обязательно навестим дядю Лёшу, а ты обещала быть послушной, – напоминаю ей, и дочка моментально переключается:

– Няня Аня, а ты полежишь со мной? Поддержишь меня за ручку?

– Ну, конечно, маленькая моя кнопочка, я с тобой полежу, – смягчается Аня. Её лицо преображается, словно девушка светится изнутри. – Допивай скорее молочко, тогда я успею

тебе рассказать сказку.

Анна Евгеньевна дожидается, пока Ксюша не допьёт всё до последней капли, берёт малышку на руки и подносит ко мне.

– Пожелай папочке спокойной ночи и поцелуй его, – говорит она. Ксюша послушно делает.

Потом она повторяет то же самое с моим братом и уносит Ксению.

Уже в дверях Анна тормозит и бросает:

– Спокойной ночи, Алексей Фёдорович, Олег Фёдорович.

– До скорой встречи, Анечка, – чуть ли не облизывается Алёша.

– Спокойной ночи, Аня, – желаю я.

Желаю, чтобы вы поскорее спрятались в детской, няня Аня!

– Судя по твоей роже, братишка, с Анютой мне лучше не заигрывать, – усмехается Лёха.

– Не по тем причинам, по которым ты думаешь, – тороплюсь оправдаться я. – Знаешь, как тяжело найти приличную няньку?

– Глядя на её обалденную фигуру, я уже было решил, что она очень, очень неприличная! – заливается он смехом.

– Да иди ты! – нахмуриваюсь я. – Ты видел, как Ксения расцвела? Всего-то две недели в доме эта няня, а малышку не узнать. Она уже так привязалась к ней, можно сказать, полюбила... Ей просто необходимо женское общество, а Анна

Евгеньевна так просто обожает Ксюшу!

– О, как всё запущено! – вздыхает Алексей. – Скажи, ты слепой баран? Хочешь сказать, что на самом деле не замечаешь, что по твоему дому расхаживает Афродита, а ты думаешь исключительно о ребёнке?

– Представь себе, не всё вертится вокруг нас самих. Когда у тебя есть ребёнок, возникает необходимость наступать на горло собственным желаниям и думать о его благе.

– Ну, ты сам сказал, за язык я тебя не тянул!

– Да что я сказал-то? – взрываюсь я. – Напротив, только и пытаюсь тебе объяснить, что Аня не интересуется меня как женщина. Только в качестве няни.

– Ага, – хмыкает брат. – Я так и понял, когда услышат от тебя нечто эдакое: «я вынужден наступать на горло собственным желаниям».

– Ну как ты не понимаешь?..

– Да всё я понимаю, – перебивает он. – Знаю всё, что ты хочешь мне сказать. Вот только... Ксюше, ей же не няня нужна. Ей нужна мама. И если эти твои красотки спелись у тебя за спиной, а сама Анна вызывает нешуточный интерес... Чёрт, да почему бы не попробовать? Хуже не будет.

– Словно ты сам не знаешь причин, почему это невозможно! Официально документы на развод всё ещё не подписаны, а без полной опеки над Ксенией мне свободы не нужно.

– Кстати, об этом... – брат затихает, делает шумный глоток молока. – Угадай, кто летел со мной сегодня одним рей-

сом?

– Половина города? Туристы? – пожимаю я плечами.

Как я не люблю его манеру вести беседу. Словно я подозреваемый и мы на допросе!

– Ты можешь встретиться очно и наладить вопросы с разводом, Олег. Ангела вернулась в город.

– Пожалуйста, Лёх, скажи, что ты шутишь! – я подскакиваю с места и начинаю расхаживать из стороны в сторону.

– Хотел бы, но... Видел её своими собственными глазами. Она как ни в чём не бывало мило улыбнулась и поздоровалась. Летела не одна, а с женщиной. Выглядела вполне здоровой и цветущей. Адекватной, в общем. Может, она согласится подписать документы на твоих условиях, ты бы попытал счастья.

Вот уж сомневаюсь! Такие с...нехорошие женщины, как моя жёнушка, делают всё ради одной-единственной цели – как можно больше выкачать средств с мужниных счетов. Знает ведь прекрасно, пока она жена и мать, я буду платить как миленький. А стоит ей только лишиться своего статуса, могу и нарушить договорённости. Только зачем мне это делать, когда я готов платить всю жизнь, лишь бы не видеть эту женщину рядом с собой, а главное, рядом со своей дочерью?

– Ты поговоришь с ней? – спрашивает Алексей.

– Попытка – не пытка, – смиренно вздыхаю я. – Найдёшь, где она остановилась?

– Без базара, брат. Собственно, я только и заехал, чтобы

лично сообщить об этом. Поеду домой, устал...

Мы прощаемся, и Лёха отчаливает из моего дома. Я раздумываю, как лучше поступить, что *ещё* предложить полоумной бабе, которая выводит меня из себя только одним своим существованием. Да, я обязан ей тем, что она родила мне Ксюшу. Готов оплачивать за это все её хотелки, купить жильё и маленький бизнес в любом из городов мира. Взамен мне нужно лишь одно. Единоличная опека над дочерью и полное невмешательство со стороны матери в воспитание и жизнь ребёнка. В возвращении Анжелы мне видится недобрый знак. Что-то эта стерва замыслила, не иначе, раз покинула юг Франции и притащилась на юг России.

И лучше мне как можно раньше разобраться в её целях, чтобы избежать Ксюшино знакомство с этой особой.

Нервы закручиваются до предела, и я знаю, что уже не успокоюсь, пока не решу проблему с той, кто называется моей супругой. Но немного успокоения, я уверен, мне подарит вид безмятежно спящей принцессы.

Я ставлю дом на сигнализацию, отключаю везде свет, кроме пары ночников, что горят постоянно, и иду наверх.

В детской тоже горит ночник. В детской тепло, пахнет зефиром и пастилой. В тусклом мерцании жёлтой лампы я крадусь к розовой кровати.

Ксюша спит в обнимку с няней, одеяло сползло на пол. Маленькая ножка закинута на округлое женское бедро, руки сплетены, дочка упирается лбом в Анину шею, подбородок

Анны устроен на лохматой макушке...

Ну не будить же! Так и поднимаю одеяло, накрывая их обеих. Пускай спят. Завтра я начну решать вопросы, связанные с Анжелой. Завтра я скажу Анне, что Ксюше не стоит привыкать спать с ней. Завтра я прекращу баловство дочери. спала же она как-то без этой своей няни!..

Кое-как мне удаётся заснуть, а новый день начинается с приключений.

Будильник почему-то не срабатывает. Разбудить меня некому, так как Галина Андреевна в отъезде, а в нянины обязанности это не входит. Да и судя по тому, что Анна всё ещё не восседает за столом, они с Ксюшей пока не вставали.

Собравшись впопыхах, я выезжаю на встречу и забываю обо всём на свете до полудня. А там, стоит мне только устроиться в кабинете с кофе и перекусом и набрать номер брата, как из селектора раздаётся недовольный голос секретаря:

– Олег Фёдорович? Тут к вам, это... Как бы сказать... Жена, в общем, пожаловала.

Постукивая каблучками, даже не дождавшись позволения пройти, в кабинете появляется Анжела.

Я удивлён её цветущему виду. У жены свежая стрижка, новый цвет волос. Медовый оттенок русого приятно гармонирует с лёгким загаром. Аккуратные розовые губки расплываются в улыбке, когда Анжела приветствует меня:

– Здравствуй, Олежек! Представляешь, я поехала в спа, но увидела твой офис и спонтанно решила зайти. Даже и знала,

что так сильно скучала, но теперь, едва увидев тебя, понимаю это.

– Зачем ты пришла? – без лишних вступлений спрашиваю у неё.

Два года от неё не было новостей, а тут явилась на пару со своей *скукой*.

– Я теперь не имею права навестить собственного мужа? – деланно удивляется она, но, увидев мой сосредоточенный взгляд, вздыхает: – Я соскучилась по Ксюше. Позволь нам увидеться. Пожалуйста.

Больше на лице Анжелы нет наигранной лёгкости. Возможно, знай я её чуть хуже, я бы даже поверил. Но я знаю её слишком хорошо.

– Не выдумывай, – резко отрезаю любые обсуждения этой темы. – Скажи, у тебя закончились деньги? Мало стало? Или что произошло?

– Ну зачем ты так сразу, Олег? – обиженно надувает губы почти бывшая жена. – Я, между прочим, с миром приехала.

– Как приехала, так и уедешь, – шиплю в ответ, наблюдая, как она извлекает из сумки папку и протягивает её мне. – Что это?

– Это выписка по моим счетам, Олег. Можешь проверить, все деньги до последней копейки из тех, что ты пересылал мне, остались нетронутыми. Мне не нужны твои деньги. Со временем и результатом длительной работы над собой я поняла, что всё в моей жизни идёт не так. Я устала анализиро-

вать ошибки прошлого, Олег, устала разочаровываться в себе. Но это того стоило. Последние восемь месяцев я работала с психологом, чудесной и чуткой женщиной, Валентиной Кац. Она кудесница, волшебница просто. Она помогла мне так много понять! Например, что у меня была затяжная послеродовая депрессия. И что я люблю вас с Ксюшей. И что я хочу вернуться в семью...

Это что, долбанный сюр? Уж не думает ли она на полном серьёзе, что я позволю ей так просто вернуться *в семью*? В нашу с Ксюшей семью, где нет места для Анжелы?

От этой нелепости я издаю недоверчивый смешок. Один, второй, третий. Они перетекают в хохот, а в глазах скапливаются слёзы. Я смеюсь, пока резко не замолкаю и не перевожу взгляд на женщину напротив.

– Забудь. Об этом не может быть и речи.

– У тебя кто-то появился? – тихо интересуется она.

Ага, новая няня, от которой мы с твоей дочерью без ума.

– Не выдумывай. У меня нет на всё на это времени, – отмахиваюсь я.

– Тогда в чём причина?

Кажется, мои глаза округляются настолько, что норовят вылезти из орбит.

– Ты серьёзно? На самом деле не понимаешь, почему я никогда не смогу принять тебя обратно *в семью*, подпустить к ребёнку? Ты правда не понимаешь, Анжела?

Она понуро опускает взгляд.

– Да, я была неправа. Ненавижу себя за это. Но для меня очень важно иметь возможность хотя бы изредка, под твоим присмотром, видеться с дочерью. Иначе... я так долго избавлялась от проблем, прорабатывала различные травмирующие моменты. Всё делала ради этого. Ради неё, ради моего солнышка. И вернулась я только ради нашей малышки. Пусть не сразу, но я хочу начать с ней общаться.

– Это исключено, – отрезаю я. – Я не собираюсь рисковать своим ребёнком ради твоего очередного увлечения. В этот раз что? Психотерапия? Не смей меня. Через месяц тебе снова наскучит эта жизнь, и ты свалишь в закат. А Ксюша получит очередную травму. Этого не будет! Я всё сказал.

– Нет, Олег, ты не понял. Я не собираюсь уезжать. Я собираюсь остаться и завоевать твоё доверие. Я собираюсь вернуть свою дочь и стать для неё достойной матерью. – Анжела поднимается. – Я ведь могла бы и не предупреждать тебя об этом. Если ты не забыл, я имею на Ксюшу ровно столько же прав, сколько и ты.

Мне не нравится, какой оборот принимает наш разговор. Не нравится, куда клонит Анжела.

– Ты что это, угрожать мне вздумала? – я резко поднимаюсь из-за стола, направляясь к ней. – Думаешь, спустя два года свидетельские показания не будут стоить и гроша ломанного? Думаешь, я не лишу тебя родительских прав, если попытаешься навредить Ксюше?

– Олег, услышь меня, пожалуйста, – просит жена. – Я про-

шла долгий путь реабилитации и лечения, поняла и приняла так много, и теперь просто пытаюсь исправить ошибки прошлого. Я хочу вернуть своего ребёнка, которого я рожала четырнадцать часов в страшных муках и которого люблю просто безусловно. Да, я оступилась, но это в прошлом. Честно, Олег. Просто позволь мне это доказать.

– Как ты себе это представляешь? Что я должен сделать: пустить тебя к дочери, пока ты не наиграешься и не бросишь её?

– Нет. Ты можешь пообщаться с моим психологом, попри-
сутствовать на наших сеансах. Мы можем разобраться с на-
шими проблемами. Сообща. И потом мы двинемся дальше –
либо вместе, одной семьёй, либо как два полноценных роди-
теля одной замечательной девочки. Ну ты же любишь свою
дочь, Аторов. Попробуй ради неё. Просто подумай, как Ксю-
ша будет рада, что мама вернулась! Подумай, прими реше-
ние, я буду ждать. Но не затягивай, я не хочу ждать до со-
вершеннолетия дочери, чтобы иметь возможность целовать
и обнимать её.

Анжела всовывает мне в руки визитку и исчезает с глаз
долой. Верное решение. Мне просто необходимо простран-
ство и время, чтобы подумать.

Закидоны Анжелы начались практически сразу после ро-
дов. Сначала она полностью переложила заботу о новорож-
денной дочери на няню, уделяя малышке внимание лишь во
время непродолжительных кормлений. Однако, она быстро

свернула грудное вскармливание, решив, что фигура для неё важнее.

Вскоре к фитнесу добавились встречи с подругами, походы в клубы, выпивка. Я видел, что жена скатывается по наклонной в бездонную пропасть, мы много разговаривали, но беседы всё чаще перетекали в ссоры; предлагал лечение – получал в ответ упрёки и скандалы. Грозил разводом – восстанавливался худой мир до нового неприятного инцидента.

Но первая настоящая драма случилась примерно через два года после рождения Ксюши. У нашей тогдашней няни воспалился аппендицит, и её спешно госпитализировали. Я был в отъезде в соседней области, когда это произошло. Спешно выехав домой, я уже почувствовал неладное.

Анжела просто оставила Ксюшу одну дома и укатила на очередную тусовку. Позже жена клялась, что дочь спала крепко, что ничего с ней не произошло бы в любом случае и нет причин для ссор, но я был непреклонен.

Очередной скандал закончился хлопаньем дверью, и Анжела ушла в закат. Её не было трое суток, и я обратился к брату. Мою супругу нашли быстро. В абсолютно невменяемом состоянии, в компании золотой молодёжи, она чуть ли не предавалась разврату прямо на столе, посреди модного ночного клуба. Это была точка невозврата.

Я знал, что никогда не прощу жену, но классическое воспитание упрямо взывало к совести и умоляло дать женщине последний шанс.

Нельзя оставлять ребёнка без матери, — убеждал я себя.
— *А ты предательство как-нибудь переживёшь.*

Три недели реабилитационного центра и полного детокса организма после беспорядочных возлияний и приёма запрещённых веществ, общение с психологом центра дали первые результаты. Анжела начала худо-бедно выбираться из своего затяжного кризиса, начала уделять время дочери. В течение года всё было нормально, не идеально, да, но стабильно и безо всяких сложностей. То ли жена поняла, что моё терпение на исходе, то ли действительно решила изменить свою жизнь. Это неважно. Главное, они с дочерью сблизились, и рядом с матерью Ксюша была в безопасности. Так думал я.

Удар же пришёл оттуда, откуда не ждали. И это стало последней каплей в море моих семейных отношений с этой женщиной.

Всю дорогу до дома я заставляю себя принять беззаботный вид и не впадать в крайности.

Анжела же сказала, что не собирается прямо сейчас врываться в счастливую жизнь моей дочери, да? Вот и нечего паниковать раньше времени. Уверен, стоит промариновать женщину временем, как она сама откажется от этой затеи, потому что ей надоест ждать, да и на смену одной сумасбродной идее придёт другая. Главное, продумать, как потянуть кота за... хвост.

Я ни на мгновение не хочу думать, что Анжела могла измениться. Не могла. Ни за что не поверю. А значит, её нель-

зя подпускать к Ксюне. И этого не произойдёт, пока я либо не буду убеждён в обратном, либо не случится то, что я прогнозирую. И всё моё существо вопит и бьётся в агонии, требуя послать её куда подальше сразу, и не выжидать доказательств мифических изменений.

Дом традиционно встречает ярким светом и... полным отсутствием народа. Я так быстро привык к семейному шуму, что теперь удивлённо обыскиваю территорию в поисках жизни.

Заглядываю в детскую и застываю в дверях. Галина Андреевна с Виктором Семёновичем пакуют в пакеты игрушки, а Павлик и Тёма сгружают одиночные пакеты в один огромный.

– Что здесь происходит? – спрашиваю я вместо приветствия и, не сдержавшись, каламбурю с усмешкой: – Ксюша снова вышла замуж за какого-нибудь мальчика с развивающих занятий и решила переехать к нему?

– Ой, Олег Фёдорович, – вздыхает домоправительница, – ну скажете тоже! У нас тут такое..! Даже и не знаю, как сказать-то!

– Что с Ксюшей? – моментально подбираюсь я. – Она в порядке?

– Да, в порядке, но... Вы, может, с Аней поговорите? Она лучше объяснит...

Остаток её речи я дослушиваю уже в коридоре, направляясь в спальню няни Ани. И застаю там прелюбопытней-

шую картину: посреди комнаты расстеленна белая простынь, Ксюша сидит на табуретке ровно в центре полотна и весело дрыгает ножками, пока Анна Евгеньевна расчёсывает тонкие волосики.

– Добрый вечер, – приветствую их обеих.

– Папочка! – кричит дочка и машет мне рукой.

– Как дела? – спрашиваю, задерживая дыхание. Не представляю, что здесь происходит, но смущённый румянец на лице няни и счастливая улыбка малышки будоражат сознание.

– Папочка! Представляешь, у меня в голове тараканы завелись! – хохочет Ксюша.

– И что же они там делают? – вежливо спрашиваю дочь.

– Танцуют и поют?

– Нет, они уже всё, да, нянь Аня?

– Да, Ксюш, точно *всё*, – отвечает та тихо. – Ты большая умница, Ксенька, совсем не испугалась.

– Ну ты же сказала, что они во-о-о-от такусенькие, – дочка показывает крохотное расстояние между пальчиками. – Если бы это были о-о-о-огромные тараканища, то я бы испугалась, а таких малипусек я не боюсь.

– Вот и молодец, – хвалит Аня, становясь пунцовой. – Сейчас мы вычешем их...

– *Турпики?* – радостно хлопает в ладоши дочка, и я машинально поправляю:

– Трупики? Погодите-ка! Какие ещё *трупики*?!

Решительно подхожу к этим двум красавицам и внимательно изучаю небольшой металлический гребешок в руках няни.

– Что тут происходит?! – требовательно спрашиваю у неё. – Как я понимаю, *тараканы* в голове – это вовсе не аллегория?

– Вы только не волнуйтесь, Олег Фёдорович. В детском коллективе педикулез периодически вспыхивает, это вовсе не связано ни с престижностью учебного заведения, ни с социальным статусом пациента.

Я открываю рот, да так и замираю. Меня осеняет одна мысль: что, если...

– Сейчас я закончу обрабатывать Ксюшу, потом займусь вами, – врывается в мой план нянин голосок. – Не переживайте, главное, ладно? Тут надо-то обработать специальным средством и прочесать гребнем. Постели уже поменяли, всё пропылесосили, промыли поверхности, ну недельку-другую понаблюдаем за обитателями дома. Возможно, что мы не успели заразиться. У Ксюши всего-ничего поражение.

Но её торопливый голосок звучит лишь фоном для моего коварного плана по отваживанию Анжелы. Уверен, вши слишком железный аргумент в пользу отсрочки нашего общения!

– Вы в порядке? – обеспокоенно спрашивает Анна Евгеньевна.

– А? – я перевожу взгляд на неё, и женщина хмурится.

– У вас такая странная улыбка, словно вы задумали пакость, – она вопросительно смотрит на меня.

– Папочка, – зовёт меня Ксюша. – Ты, что, задумал *капость*?

– Пакость, Ксюша. И нет, ничего такого я не задумал.

– Олег Фёдорович, – начинает вдруг волноваться Аня. – Вы же не собираетесь натравить санэпидемстанцию на детский центр?

– Что? Аня Евгеньевна, вечно вы выдумываете небылицы, – ахаю я, раскачиваясь на пятках. – Ничего такого и в мыслях не было!

– Ничего *такого*? – строго спрашивает она. – Точно?

– Честное пионерское! – не моргнув и глазом, обещаю ей.

Анна суживает глаза:

– Вы пионером-то были?

– Октябрёнком был, – подмигиваю ей.

Она поджимает губы, сдерживая улыбку, и сосредотачивает внимание на головке моей девочки. Делает ещё с десятков плавных движений и заключает:

– Всё. Несите её в мою постель. – командует мне, и я отрываю дочь от табуретки. Сажаю на расправленную постель, хрустящую, с едва уловимым запахом стирального порошка.

Помимо воли взгляд скользит по комнате, выуживая детали частной жизни моей няни.

Аккуратная стопочка одежды, которую, впрочем, она не носит. Она вообще не носит ничего, кроме одного и того же

комплекта одежды. И только ночи она проводит в глухой пижамке, которая заводит меня почище откровенных кружев. Няня Аня в своей пижаме – моё любимое ночное приключение. Особенно, когда является ко мне во снах.

На краткий миг взгляд упирается в зелёные глаза, изучающе глядящие на меня, и я поспешно отвожу свой, скользя по комнате дальше.

Без труда нахожу висящую на стуле пижамку и спрашиваю:

– Анна Евгеньевна, почему вы ходите постоянно в одной и той же одежде?

– *Паматушта*, у няни Ани нет другой красивой одёжки, папочка, – тут же выдаёт Ксюша.

Я снова возвращаюсь взглядом к стопке одежды. Аня нервно комкает простынь.

– Олег Фёдорович, идёмте в ванную, я вас осмотрю.

Не хочу смущать молодую женщину ещё больше. Тем более в присутствии Ксюши. Неизвестно, что ещё может наболтать кроха! Какими-то секретиками они явно делятся друг с другом.

В ванной Анна Евгеньевна наскоро объясняет мне, как расположиться для всеобщего удобства, и я послушно выполняю всё, что она велит. Сажусь на низкий табурет, свешиваю голову в раковину и закрываю глаза, когда тонкие прохладные пальцы ныряют мне в волосы.

Девушка становится между моих расставленных ног, чуть

наклоняется вперёд, копошась в моих волосах, а я открываю глаза, чувствуя её тёплый, домашний запах.

Прямо перед моим взором мягко подрагивает от плавных движений её грудь в аккуратном декольте. Мне нравится эта картина. Няня вся такая... уютная. Может, мне так кажется, потому что её любит Ксюша? Или потому что она гармонично вписалась в мой дом и наш быт?

– Вы чисты, Олег Фёдорович, – тихо говорит она мне, отклоняясь назад. – Если хотите, я могу обработать вас для профилактики...

– Не стоит, что вы, – отзываюсь я. – Теперь моя очередь? Она непонимающе хлопает глазами, зелень становится ярче, приобретая притягательный блеск.

– Ваша очередь? – голос Анны звучит взволнованно. – Осмотреть ваши волосы, конечно, Анна Евгеньевна, – я коротко усмехаюсь.

– Вы... хотите..? – протягивает она с сомнением, но тут же исправляется: – Сможете..?

– Конечно, не вопрос, – повторно усмехаюсь я. – Уж альтернативные формы жизни смогу обнаружить при наличии!

Аня Евгеньевна вспыхивает, словно девственница на первом свидании, и неуверенно кивает. Мы меняемся местами. Она устраивает голову на краю раковины, и я спрашиваю:

– Так же неудобно, зачем смотреть над раковиной?
– Затем, что альтернативные формы жизни хорошо видны на белом, – поучительно отвечает она. – Приступайте же!

Быстрее начнём, быстрее закончим.

Я касаюсь её волос и начинаю перебирать прядки.

– А вам, значит, не нравятся мои прикосновения? Торопитесь закончить побыстрее?

– А вдруг мне *слишком сильно* понравятся ваши прикосновения? – поддразнивает она. – Вы же не хотите лишиться няни из-за никому не нужной интрижки?

– Почему сразу лишиться? Возможно, обоюдное желание вырастет во что-то более глубокое, чем отношения «работодатель – персонал»!

– Бросьте, вы же не серьёзно! – она закатывает глаза. – Такие мужчины, как вы, Олег Фёдорович, пускаются в подобные интрижки от нечего делать, но Золушек никогда не ждёт счастливый финал.

– Вы совсем не верите в сказки, Анна Евгеньевна?

– Я не верю в счастливые финалы, – горько усмехается она. – А сказки я люблю.

В зелёных глазах плещется разочарование, и мне хочется испытать его до дна. Осушить. Горько мне, когда такие хорошие барышни разочаровываются, пусть и не я причина этого разочарования.

– Анна Евгеньевна, всё чисто. – говорю ей. – А раз так, не согласитесь ли вы сопровождать меня на благотворительном вечере в фонде «Второй шанс» в эту субботу?

Она поджимает губы и поднимается.

– Не уверена, что это будет удобно.

– А-а-а, – притворно бью себя по лбу. – Точно! У вас нет подходящего наряда! Устройте с Ксюшей день шопинга и купите сразу всё необходимое. В том числе, и для нормальной жизни. Не только для вечера.

Не дожидаясь её маленького протеста, я тороплюсь ретироваться.

– Я не это имела в виду... – слабо доносится до меня.

– Я знаю, Аня. Но я готов рискнуть... Вдруг именно в этой сказке должен быть счастливый финал?

Едва дождавшись десяти утра, набираю номер Анжелы.

– Олежек, ты подумал? – щебечет она в трубку. – Я знала, что ты примешь благоразумное решение!

– Да, я не против пообщаться *для начала* с твоим психологом, но со встречей, боюсь, вышла небольшая заминка. – ни капли не сожалею я.

– А что такое? Завал на работе? – в голосе Анжелы звучат капризные нотки, и я морщусь.

– У Ксюши вши, две недели нам порекомендовали соблюдать социальную дистанцию. – выпаливаю на одном дыхании. – Если ты, конечно, настаиваешь...

Мои расчёты оказываются верны.

– Нет, Олег, раз надо, то, конечно, отложим встречу. Как я и говорила ранее, я остаюсь в городе и готова ждать столько, сколько потребуется.

– Прекрасно, – процеживаю сквозь зубы. – Я позвоню, как врач даст добро. Приятного, сама понимаешь, мало. Не хо-

телось бы, чтобы тебе пришлось тоже выводить этих...

– Я прошу тебя, Олег. Избавь меня от подробностей. – Брезгливым тоном визжит Анжела. – Буду ждать звонка.

Она невежливо скидывает звонок, а я довольно потираю руки. Так я и знал, что эта чистоплюйка не рискнёт собой даже ради своего мутного плана. В искренность её я не верю: ну не станет мать, вставшая на путь исправления, так себя вести!

По Ксюше она соскучилась! Ну конечно! Так скучала, что даже поинтересовалась состоянием дочери!

Я радуюсь случайно выигранному времени. Сейчас мне лучше призвать на помощь брата и адвоката. Нужно узнать, чем жила Анжела последние месяцы, не сбежала ли от проблем, которые, давя на мои отцовские чувства, и собирается на меня повесить. Надеюсь, нам хватит двух недель, чтобы я хотя бы примерно понимал, с чем придётся иметь дело! И я очень надеюсь, что ей просто нужны деньги.

Я готов дать ей всё и дальше больше, если в обмен получу полную опеку над своим ребёнком. Но что-то мне подсказывает, что так просто не будет.

За очередными рабочими дрызгами и проблемами на заводе забывается всё на свете, а не только конфликт с бывшей. Но в памяти я твёрдо держу своё приглашение и обещание зеленоглазой няне.

В пятницу за завтраком я интересуюсь:

– Анна Евгеньевна, почему же вы до сих пор не купили

себе нарядов? Уже завтра состоится благотворительный вечер, а вы всё ещё без платья.

– Олег Фёдорович, я не уверена, что...

– Анна Евгеньевна, я уверен, что это отличная идея. Мне нужна пара для танцев, а вам необходимо развеяться в неформальной обстановке. Пара бокалов шампанского, и вы поймёте, что я вовсе не такой сухарь, каким кажусь со стороны. – я посмеиваюсь над удачным сравнением. – Ну же, Аня, решайтесь. Я не могу пойти один, а все прочие варианты недостаточно хороши. Если вы не купите платье и всё остальное сегодня, то я даю вам слово, что завтра вытащу вас из постели прямо в пижаме и отвезу в магазин.

Няня вспыхивает как свёкла и кивает:

– Хорошо, Олег Фёдорович. Я пойду с вами. Но знайте, это не свидание!

– Как скажете, Анна Евгеньевна, – довольно ухмыляюсь я. А вот это мы ещё посмотрим!

Этим вечером я задерживаюсь на переговорах и приезжаю, когда дом уже погружён в темноту. Непривычно тихо и пусто. Все спят.

Я наливаю в пузатый бокал на пару глотков янтарной жидкости, сажусь в кресло у камина и наконец расслабляюсь, оставляя решение проблем на потом.

С одной стороны – проблемы на производстве. Каждый день простоя это сотни или тысячи жизней. В моей компании завелась вредная крыса, что перегрызает буквально кисло-

родные трубочки для смертельно больных детей. И все мои надежды найти вредителя в кратчайшие сроки терпят катастрофу. Если не поймаем гадёныша, придётся срывать очередной набор на лечение, а время для таких больных слишком дорогая валюта.

Как кто-то сознательно может пакостить в таком? Зная, что на счету человеческие жизни? Всё это чрезвычайно трудно для моего понимания!

Ещё и Анжела, с которой я не хочу иметь вообще никаких дел...

Я устало потираю лоб, заглатываю одним махом содержимое бокала и прикрываю глаза.

Обжигающая горечь расплзается от горла по венам, но согревает меня мысль о том, что наверху, в гостевой спальне рядом с детской, сейчас в обнимку спят две девчонки, и это моя самая любимая картина.

Чувствую мимолётное движение рядом и распахиваю глаза. Передо мной на коленях стоит Анна Евгеньевна. Она придерживает бокал в моей руке и испуганно смотрит мне в лицо.

– Я не хотела будить... Только забрать бокал, – торопливым шёпотом оправдывается она.

– Всё в порядке, Аня, – я потягиваюсь. – Если бы не вы, промучился бы пол ночи и завтра встал бы совсем разбитым.

– Ну я пойду..? – зелёные глаза смотрят пытливо.

Словно так и умоляют попросить остаться... попросить о

чём-то больше. И, видит Бог, я хочу. Попробовать на вкус её губы, смять ладонями пижамку, ощутить тепло женского тела... Но слишком рано. Интуитивно понимаю, что с ней так нельзя. Не того поля ягодка, хотя чего греха таить, разные няни случались со мной. И не няни тоже. Я всё же молодой и здоровый мужчина и жил два года вообще без жены.

– Ступайте, Аня Евгеньевна. Спокойной ночи.

– И вам, Олег Фёдорович!

Она мягко перекачивается на пятки, изящно поднимается в полный рост и создаёт дистанцию, пятясь к двери.

– Аня? – зову я, когда она берётся за ручку двери.

– Да? – она облизывает губы, и я чувствую напряжение в паху.

– Как там... Ксюшины тараканы?

– Мы их победили с разгромным счётом, – усмехается она и выходит из комнаты.

Что ж, я, конечно, безумно рад, что никакие паразиты больше не тревожат мою дочь, но именно благодаря им с разгромным счётом побеждаю я, ведь Ангела временно забыла о своей идее о счастливом воссоединении семьи.

Глава 5. А в полночь карета превратится в тыкву...

Анна

Проснувшись от кошмара, я тихонько выбираюсь из Ксюшиной кровати и крадусь к выходу. В коридоре взгляд невольно падает на дверь хозяйской спальни, и жар приливает к щекам от промелькнувшей в голове мысли.

У меня не было мужчины пять долгих лет. Даже чуть больше. С того дня, как Виталик собрал свои вещички и бросил меня один на один справляться с бедой.

Тогда, в тот момент, мне, конечно, было не до этого. В томпрошлом последнее, что меня интересовало, были мужчины.

Но сейчас всё иначе. Не хочу сказать, что я всерьёз рассчитываю устроить личную жизнь или снова стать счастливой. Вряд ли это возможно в моём случае – слишком огромна кровоточащая рана на моём сердце. Такое не исцеляется даже спустя годы. Но здесь, в этом доме, я снова могу чувствовать себя живой. Благодаря маленькой девочке и её сердитому папе, которые чудесным образом заполняют зияющие пустотой дыры вокруг этого ранения.

Я чувствую, как они проникают мне под кожу, как опутывают тонкими нитями, соединяя наши судьбы воедино. Мне

снова хочется любить, даже зная, что это не продлится вечно. Мне хочется тепла и ласки. И боюсь, скоро мне будет недостаточно детских объятий.

Спускаюсь в кухню и наливаю травяной чай. Перед тем, как снова лечь спать, мне нужно немного успокоить свои нервы после дурного сна, что приснился впервые за всё время моего пребывания здесь. Глупо было рассчитывать, что они ушли навсегда.

После чашки душистого чая с ложечкой мёда мне действительно становится чуть лучше, и я готова снова вернуться к объятиям Морфея. Но по пути к лестнице вижу в ажурном стекле двери зала сидящего в кресле Аторова и останавливаюсь.

Пульс учащается и отбивает дробью в ушах. Не считая утреннего разговора, мы не виделись сегодня. К ужину мужчина не явился, и я грешным делом начала размышлять о том, где и как он может коротать свои пятничные вечера. И с кем.

Но сейчас, судя по его измождённому виду, мне становится стыдно за эти мысли. Олег Фёдорович занимается важным делом, и его частые задержки скорее всего связаны именно с работой. Только поэтому он и спит в кресле с усталым, обеспокоенным выражением на лице, в деловом костюме, с бокалом в руке. После встречи с женщиной усталость иного рода. Приятная. А Олег слишком напряжён.

Я тихо проскальзываю в комнату с явным намерением за-

брать бокал, но стоит мне за него взяться, как Аторов дёргается, сильнее сжимая пальцами прозрачные стенки. Я замираю. Не хочу беспокоить его, когда очевидно, что он без сил.

Но вот он снова чуточку расслабляется, и я опускаюсь на колени, чтобы дожидаться момента, когда он в достаточной мере расслабит хватку пальцев на стекле. А дождавшись, осторожно тяну на себя. Но мужчина просыпается, застав меня с поличным на месте преступления.

– Я не хотела будить... Только забрать бокал, – спешу извиниться перед ним.

Как же неловко я себя чувствую! Этакая сталкерша во всей красе!

– Всё в порядке, Аня, – говорит Аторов. – Если бы не вы, промучился бы пол ночи и завтра встал бы совсем разбитым.

Мужчина потягивается всем телом. Сильным, красивым, совершенно не юношеским. Совсем не таким, как у моего бывшего мужа. Этот факт неожиданным образом волнует меня. Как и интимная обстановка с камином, пушистым ковром рядом с ним, приглушенным светом. Как и близость этого мужчины.

– Ну я пойду..? – непонятно зачем спрашиваю у него.

Боже мой, Аня, не будь душой! – проносится в голове.

Для Аторова это будет всего лишь интересной интрижкой. Маленькой, щекочущей нервы игрой. Наверняка у него есть любовница или даже любимая женщина. А может, даже и не одна. Спал же от нечего делать с предыдущей няней, о чём

мне поведала словоохотливая горничная, которая приходит трижды в неделю.

Мужчина он видный, богатый, а брачными узами не стеснён.

Я не должна очаровываться им. Нельзя быть наивной. Иначе я увязну, а он просто наиграется и разотрёт остатки моего сердца в пыль.

– Ступайте, Аня Евгеньевна. Спокойной ночи. – говорит он, и я с облегчением выпаливаю:

– И вам, Олег Фёдорович!

Поднимаюсь и отступаю подальше от него. Вынуждаю себя делать всё медленно, хотя мне хочется бежать. От него. От себя. Но он не должен ничего заподозрить. Ещё пара шагов, и я буду в спасительном отдалении, в коридоре, и поскорее уберусь в свою комнату.

– Аня? – неожиданно зовёт Аторов.

Сердце устремляется в самые пятки от волнения, но я заставляю себя повернуться к нему лицом.

– Да?

Что ещё он хочет мне сказать? Чего я на самом деле хочу от него услышать?

– Как там... Ксюшины тараканы?

Поначалу мне хочется рассмеяться над собственными ожиданиями, но мне удаётся сдержать рвущуюся истерику.

– Мы их победили с разгромным счётом, – отвечаю ему и покидаю комнату.

Но вопреки логике и здравому смыслу не бегу. Иду медленно. Ползу как черепаха.

Не хочу признаваться даже самой себе, но я мечтаю, чтобы Аторов прямо сейчас догнал меня и исполнил все мои фантазии.

Когда Аторов говорит мне, что до выезда осталось два часа, я начинаю сборы. Я немного волнуюсь: достаточно ли хорошее выбрала платье? Смогу ли выглядеть хоть немного под стать мужчине, которого буду сопровождать?

Всю неделю после приглашения я листала в интернете фотографии предыдущих благотворительных ужинов и разглядывала наряды главных местных модниц. Но разве могу с ними сравниться? Остаётся лишь надеяться, что Аторов не разочаруется, едва увидев меня.

Ксюша вертится рядом, с любопытством наблюдая, как я завиваю волосы плойкой и крашу ресницы.

– А что ты делаешь?

– Навожу красоту.

– Зачем? – озадаченно спрашивает она. – Ты же и так красивая!

Посмеиваясь, я целую малышку.

– Спасибо, Кнопочка. Но мы с папочкой идём на вечер, где будет очень много расфуфыренных тётенок, и я должна выглядеть хорошо на их фоне.

– Ты будешь выглядеть *замечательно* рядом с *фуффыринками* тётеньками! – смеётся Ксюша. – Как настоящая Зо-

лушка на балу!

Она спрыгивает с кровати и подходит к шкафу, на дверце которого висит платье из тафты благородного изумрудного цвета. Оно необычайно оттеняет мои глаза и придаёт мне аристократичный вид по заверениям консультанта магазина.

Я не стала срывать с него бирки. Один вечер, и я сдам его обратно и верну Аторову всё до последней копейки. Неудобно, ведь стоит оно просто баснословно. Да и ходить мне в нём некуда. Я совершенно из другого мира. В нём не носят платья по цене, равной полугодовой приличной зарплате.

– Какое красивое! – восхищённо водит по ткани ручками Ксюша. – Как у настоящей принцессы! В нём ты сразу понравишься моему папе!

Я усмехаюсь, провожу карандашом стрелку и критически осматриваю её.

– Я хочу, чтобы ты понравилась папе, – продолжает Ксюша. – Тогда он влюбится и поженится на тебе.

Я рисую стрелку на втором веке, откладывая в сторону карандаш и подхожу к девочке.

– Малыш, ты не должна мечтать о подобном. Сказки хороши только в книжках. В жизни не всегда бывает так радужно, и Золушки редко выходят замуж за принцев. Принцы находят себе невест из своего окружения, настоящих принцесс, а Золушки так и остаются у разбитого корыта.

Ксюша заливисто смеётся:

– Ты все сказки перепутала, няня Аня! Разбитое корыто

из «Золотой рыбки»!

– Ну, значит, Золушка так и останется с горой грязной посуды, невычищенной печкой и мешком картошки, – щёлкаю её по носу. – А принц приведёт домой красивую и умную невесту дворянских кровей. Достойную. Настоящую королеву.

– Ты же знаешь, чем заканчиваются такие сказки? – деловито осведомляется малышка.

– И чем же, Ксюнь?

– Эти королевы становятся злыми мачехами и уводят маленьких девочек в на *объедение* волкам.

– На съедение, – поправляю её и обнимаю. – Папа никогда не даст тебя в обиду. Он любит тебя сильно-сильно. И если он приведёт домой... хмм... невесту, то я уверена, что она будет доброй, красивой и обязательно полюбит тебя.

– Ты добрая, красивая и любишь меня, – хмурится Ксюша. – Я хочу, чтобы ты стала папиной невестой и моей мачехой, потому что ты не настоящая мачеха, а совсем как мама.

Она с такой силой обнимает меня за шею, что мне почти больно. Почти. Но эта боль иная, не физическая. Всеми силами я сдерживаю норовящие пролиться слёзы.

– Ксюшенька, я очень-очень-очень тебя люблю, малышка. И я буду твоей няней, пока это будет возможно. Но лучше не мечтай о том, что скорее всего никогда не сбудется, договорились?

– Нет, – шепчет упрямая малышка. – Не догорились. Это

же мои мечты, а в них возможно всё.

– Так! – отстраняюсь от неё. – Тогда мечтай, но не расставайся, что это так и останется твоими мечтами. Об этом договоримся?

– Хорошо! – Ксюша подставляет ладошку, и я хлопаю по ней. – А теперь тебе надо собираться, чтобы быть самой красивой *фурфыринкой* тётенькой!

Мы смеёмся. Какая же она милая, просто прелесть. Со всей своей детской непосредственностью, ещё не знающая горького вкуса разочарования. Как же мне хочется, чтобы её детство длилось как можно дольше!

К назначенному хозяином времени я, полностью собранная, спускаюсь вниз. Передо мной бежит радостная Ксюша, которая без лишних раздумий запрыгивает на лету на отца, с лёгкостью подхватывающего её на руки.

– Папочка! Смотри, какая няня Аня красивая! Прямо настоящая принцесса!

Аторов переводит взгляд с малышки на меня, изучает с головы до ног и тяжело сглатывает.

– Да, доченька, очень красивая принцесса наша няня Аня! – в голосе откровенно слышится восхищение.

Олег Фёдорович не сводит с меня взгляда, пока Ксюша всячески нахваливает моё платьишко, умение красиво рисовать на лице и заплетать волосы. Это так трогательно, что я, не выдержав стоять в стороне, подхожу к ним.

Ксения приобнимает своей ручонкой мою шею, и я акку-

ратно целую её щёчку. И тут же встречаюсь глазами с её папочкой.

– Нам пора, – глухо говорит он. – Ксюша, слушайся Галю, ладно?

– Хорошо, папочка! – покладисто отзывается малышка.

Аторов поглядывает на неё с подозрением, и я не могу сдерживать улыбки. Уж очень мне нравится за ними наблюдать.

– Ксюшенька, помни, что ты мне обещала, – напоминаю ей. – А завтра мы сходим на большую детскую площадку.

– Ура! – кричит девочка. – Папочка, а ты свозишь нас на площадку?

– Конечно, доченька. – Олег целует её. – А теперь нам пора.

– Повеселитесь там! – напутствует Ксения.

Она крутится вокруг нас, буквально не давая прохода. Аторов помогает мне надеть пальто, быстро накидывает своё, и мы покидаем дом.

Я удивлена, что на подъездной дорожке нас поджидает машина с водителем, а не внедорожник хозяина. Видимо, на подобные мероприятия не принято приезжать за рулём.

Олег Фёдорович обходителен. Мужчина открывает для меня дверцу, поддерживает под локоть, пока я забираюсь на заднее сиденье, и садится рядом.

– Итак, Анна Евгеньевна, скажите, нет ли у вас пищевых аллергий или личных непереносимостей?

– Уверена, что нет, Олег Фёдорович.

– Прекрасно, – он чуть смещается в мою сторону. – На банкете будет шведский стол, но я бы мог порекомендовать вам наиболее вкусные блюда. Каждый год подают одно и то же, представляете?

Аторов задорно смеётся, словно выдал удачную шутку, и я вежливо улыбаюсь в ответ.

– Я уже перепробовал их все, – продолжает он. – И я вас уверяю, не все блюда достойны вашего внимания.

– Положусь на ваше мнение.

Мужчина немного рассказывает мне о порядке выноса блюд на шведский стол, какие напитки подают – конечно же, тоже в определённом порядке! От его наставлений у меня голова идёт кругом, и я жалею, что согласилась на эту авантюру. Подобные мероприятия совершенно не подходят для Золушек!

По мере приближения к центру города, где в старинном особняке и проводятся светские мероприятия, я уже вся на нервах.

– Аня, могу я попросить вас об одолжении? – тихо подзывает Аторов, и я киваю, хотя, помнится, как раз сейчас уже именно этим и занимаюсь. – Мы можем перейти на «ты»? Будет не очень удобно выкатить на публике.

– Если это удобно и уместно, то я, конечно, вам не откажу.

– Замечательно, спасибо, Аня.

– Да не за что, Олег Фёдорович.

Он накрывает тёплой ладонью мою руку и коротко сжи-

мает.

– Просто Олег.

В месте его прикосновения кожу покалывает, посылая горячие импульсы блуждать по венам.

– Хорошо, – мягко улыбаюсь я. – *Сегодня* просто Олег.

Возле монументального здания с белыми колоннами, Аторов выходит из салона и протягивает мне руку.

Нерешительно вкладываю пальцы в раскрытую ладонь и выхожу на очищенную дорожку.

Сердце учащается. Даже здесь, перед центральным входом, много света, нарядных женщин и журналистов. И мне только предстоит узнать, какой ужас творится внутри.

Олег Фёдорович берёт меня за руку и проводит внутрь. Он хорошо ориентируется в здании. Мы без особого труда добираемся до гардероба.

Мужчина галантно помогает мне снять пальто и раздевается сам, вывешивая нашу верхнюю одежду на соседние вешалки.

Я стою у большого зеркала, поправляя причёску и макияж. Олег подкрадывается сзади, когда я стою с поднятыми вверх руками. Через зеркальную поверхность я вижу, что взгляд его направлен на мою спину.

– Что это у вас там торчит? Погодите-ка... – он подходит ближе. – Аня, вы забыли отрезать бирку!

Бросаю на него очередной – теперь сконфуженный – взгляд через зеркало. Понял или нет? Знает ли, по какой

причине не сняла её?

Никакого удивления или брезгливости по нему не замечаю. Но он ловко избавляется от этой бумажки.

– Ну вот, так-то лучше! – улыбается он и отправляет драгоценную бумажку в корзину с мусором. – Теперь всё идеально. Спасибо, что согласились составить мне компанию! Уверен, этот вечер будет просто незабываемый.

Кому как, а мне так точно! Боюсь, что мне год придётся работать практически за бесплатно, чтобы отработать такие деньжищи, с лёгкой руки Аторова выброшенные в помойку.

Мы проходим в огромный зал, и я осматриваюсь. Всё здесь кричит о роскоши. Для многих дам это повод выйти в свет, возможно, даже найти обеспеченного мужчину, коих тут в разы меньше. И практически все они уже с парами. Но разве это когда-то останавливало охотниц за состоянием?

Вот и сейчас красногубые хищницы зорко смотрят по сторонам в поисках на всё согласной жертвы.

– Аня, к нам идёт фотограф, – предупреждает Аторов и скользит рукой по моей талии, притягивая чуть ближе к себе.

Я навешиваю на лицо улыбку, выпрямляю спину, хотя единственное, что мне хочется сделать, это бежать без оглядки. Чем открытее моя жизнь, тем скорее в неё придут люди из прошлого. Придут, чтобы разрушить.

Фотограф делает несколько фото с разных ракурсов и двигается дальше по залу, а к Олегу Фёдоровичу начинается паломничество из расфуфыренных женщин всех возрастов и

разномастных мужчин. Некоторые откровенно засматриваются на меня, особенно, один, и я смущаюсь.

Делаю несколько маленьких, незаметных шагов, прячась за спину Аторова, и мужчина, с которым он ведёт сложную беседу об иностранных компонентах для своих препаратов, не выдержав, спрашивает:

– Олег, не представишь своей девушке?

Тот, не моргнув глазом, отвечает:

– Да, конечно, Анечка, познакомься, это Алексей Михайлович Гай, заместитель руководителя департамента здравоохранения. Алексей Михайлович, это Анна Евгеньевна, моя прекрасная спутница в делах и личной жизни.

Я вынуждена выйти вперёд и протянуть руку мужчине.

– Добрый вечер.

– Очень приятно, Анна, – он сжимает и поглаживает мою руку. – Скажите, мы раньше нигде не встречались? Ваше лицо мне кажется знакомым...

Я так и стою с приклеенной на уста улыбкой, всматриваясь в черты лица Алексея Михайловича. Когда-то давно, обивая пороги различных учреждений, я могла встречаться с ним. Разве сейчас всё упомянуть?

– Извините, не припоминаю...

Аторов чуть заметно хмурится и приобнимает мои плечи.

– Всё нормально, Алексей Михайлович? – в его голосе звучит твёрдость. Скрытая угроза.

– Да, простите, видимо, обознался.

Он наскоро прощается с моим... спутником, и тот тянет меня к танцполу.

– Пойдём, Аня Евгеньевна, потанцуем. От этих бесконечных разговоров голова идёт кругом.

– Олег... – проглатываю Фёдорович, потому что на меня смотрит девушка в вызывающем чёрном платье, настолько маленьком, что все её прелести буквально трещат по швам.

– Не уверена, что танцевать это хорошая идея.

– Почему? – сексуально усмехается он. – Танцы очень сближают.

Он резко притягивает меня к себе, начиная кружить в танце под медленную мелодию. Запах его парфюма обволакивает, а тепло согревает. Широкая ладонь Аторова ложится на мою поясницу и прожигает в ней дыру размером с космос, чтобы жар его тела мог проникнуть внутрь и коснулся моего холодного сердца.

– Аня, Ань, – Олег Фёдорович прислоняется лбом к моему и заглядывает в глаза. – Ты какая-то нереальная... Сводишь меня с ума... Каждый день, каждую ночь думаю о тебе.

Я не знаю, что сказать. Да и что тут скажешь? Какие у него могут быть мотивы? Какие желания?

Мне кажется, всё очевидно. Холостой молодой мужчина и работница в его доме, с которой он вынужден пересекаться иногда в довольно щекотливых или даже интимных ситуациях. Чего он может хотеть, помимо самого очевидного?

Только мне этого не надо... Или надо?

Аторов наклоняется ниже к моим губам. Его дыхание касается моей кожи, и я делаю резкий вдох, чувствуя лёгкое головокружение.

Я в беде. Очень большой беде. Кажется, Олег собирается меня поцеловать. Прямо сейчас, посреди публики, на благотворительном вечере...

– А сейчас, – неожиданно объявляют в микрофон, – слово предоставляется Олегу Фёдоровичу Аторову, владельцу компании «Атор Фарма».

Мужчина закрывает глаза, тяжело дыша.

– Чёрт, – рычит сквозь зубы и отстраняется от меня, – извини, Аня, я должен...

– Да, конечно. Ради этого мы и пришли, – выдавливаю из себя улыбку.

Он проводит кончиками пальцев по моей скуле, скользит к губам. Кажется, это не остаётся без внимания фотографа, и это ещё одна паршивая новость.

Люди начинают оборачиваться на нас, и я не выдерживаю:

– Иди, Олег. Тебя ждут.

– Но я вернусь, и мы продолжим, – обещает он с улыбкой.

А можно я просто сбегу, ведь моя карета всё равно превратится в тыкву?

Но я, конечно, не сбегаю.

Напротив, иду за удаляющейся спиной Аторова к импровизированной сцене и встаю в стороне, чтобы послушать его речь.

– Добрый вечер, дорогие друзья! Сегодня мы собрались по очень важному поводу. Как вы все, должно быть, знаете, компания «Атор Фарма» много лет осуществляет в рамках своей программы лечение тяжелобольных детей с онкологическими заболеваниями в последних стадиях, тех, кому уже не в силах помочь классическая медицина. Разработанный нашими фармацевтами препарат даёт шанс практически 70% пациентов достигнуть стойкой ремиссии, и мы не оставляем надежд, что в скором будущем процент таких пациентов будет только расти! Наша команда трудится в заданном направлении не покладая рук уже много лет, и всё это благодаря вашей поддержке! Сегодня мы собрались здесь, чтобы общими усилиями осуществить новый запуск программы и обеспечить лечением ещё минимум тридцать детей...

Когда я смотрю на живой огонь в глазах Аторова, ладони потеют, а к горлу подкатывает ком, который затрудняет дыхание. Глаза наполняются слезами от осознания, какой Олег Фёдорович человек. С огромным, просто необъятным сердцем, удивительной душой. То, как искренне он радуется за своё дело, за каждую жизнь, которую он пытается вырвать из лап страшной болезни, вызывает благоговение перед ним.

Казалось бы, разве кто-то может делать нечто подобное не ради собственного обогащения? Но вот я смотрю на этого невероятного мужчину, и во мне укореняется вера в человечество.

– Знаете, а я ведь вас вспомнил, – раздаётся совсем рядом

с моим ухом, и я вздрагиваю. – Вы пытались пробиться в один из наборов на программу экспериментального лечения «Атор Фарма», так ведь?

Рядом со мной Алексей Михайлович. Тот самый Гай, заместитель руководителя департамента здравоохранения нашего края. Он смотрит пронизательно, а я чувствую, словно тону.

– Вам, по всей видимости, удалось? Добились личной встречи с Олегом Фёдоровичем? Он дал протекцию, но в счёт платы захотел взять вас? Ну же, Анна, признайтесь, что этот святоша просто обычный хлыст, прожигающий средства благотворительного фонда на свою красивую жизнь и не менее красивых женщин!

Холодный голос мужчины действует на меня подобно хлёсткой пощёчине, и я моментально прихожу в себя.

– Алексей Михайлович, кажется, я вам уже сказала: вы обознались! Мы с Олегом познакомились в этом году, но то, что я вижу, так это то, что он добрейшей души человек. Зря вы наговариваете на Аторова, не такой он, каким вам так хочется его выставить! Он болеет своим делом, искренне переживает за его успешность, испытывает разочарование от поражений. Каждый провал – его личная трагедия. Вам должно быть стыдно за ваши мысли.

Я резко разворачиваюсь и врезаюсь прямо в широкую грудь Аторова. Мужчина сжимает мою талию руками, смотрит ледяным взглядом.

– Всё в порядке, Аня?

Повинуясь внезапному порыву, я прижимаюсь к нему.

– Теперь да.

– Хорошо, – горячие губы мажут по виску, утопают в волосах. Аторов глубоко вдыхает, сжимая чуть крепче мою талию, и отстраняется. – Алексей Михайлович, а у вас всё в порядке? Не желаете принять участие в нашей акции и пожертвовать на благотворительность какую-либо сумму?

Гай молчит. Я слышу его частое дыхание, перехватываю взгляд, направленный на наши объятия...

– Конечно, Олег Фёдорович! С превеликим удовольствием! Ради благого дела почему бы и нет?

– Отлично, это достойное решение! – говорит ему Аторов. – Мы обеспечиваем детей лечением, но, к сожалению, содержание в палатах с родителями, питание... Всё это ложится на плечи нашего фонда. Вместе мы сможем спасти не одну жизнь! Вместе мы можем многое!

– Да, вы правы, – отвечает Гай. – Где можно внести вклад в это благое дело?

Аторов объясняет ему, где принимают средства, и Алексей Михайлович прощается. Я выдыхаю спокойнее.

Ровно до того момента, пока Олег Фёдорович не спрашивает:

– Потанцуем или сбежим?

Он касается ладонями моих оголённых плеч и медленно ведёт по рукам.

– Так чего ты выберешь, Аня?

И что же я выберу?

Пробегаюсь глазами по залу и нахожу Гая. Он внимательно наблюдает за нами, стоя прямо посреди танцующей толпы. От его взгляда мне не по себе, тело пробирает дрожь. Почувствовав это, Аторов подходит ближе, врезаясь в мою спину грудью.

– Решайся, – шепчет искушающе. Его дыхание касается моих волос. – Решайся, Аня.

Я облизываю пересохшие губы и отвечаю:

– Давай... сбежим..?

Аторов словно одномоментно расслабляется и тянет меня к гардеробу.

– Разве ты не должен быть здесь до самого конца? – спрашиваю я, пока он помогает мне надеть пальто.

– Нет, – Олег Фёдорович кривовато усмехается. – Толстосумы уже делают переводы и взносы наличными, значит, скоро программа будет запущена.

Он по-ребячески лихо набрасывает на себя пальто, берёт меня за руку и выводит в вечернюю прохладу. Мои щёки горят, а губы непослушно разъезжаются в улыбке. Сейчас Олег Фёдорович вовсе не бизнесмен, не мой работодатель. И ни в коем разе не указывает мне на различное материальное положение и социальный статус. Не делит мир на «плохих» и «хороших», на «достойных» и «недостойных», на «хозяев по жизни» и «обслугу». Это вызывает уважение. Редко среди

обеспеченных людей, тем более, обеспеченных мужчин есть это здравомыслие. Или до этого мне просто не везло со знакомствами?

– Хочешь погулять по центру или сходим на набережную? – спрашивает настоящий в моём понимании мужчина.

– А ты куда бы хотел пойти? – я пожимаю плечами.

– Мне всё равно куда, лишь бы компания была подходящей.

– А я подходящая компания? – еле сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза.

– Не сомневайся. – Аторов мягко улыбается. – Я уже давно не чувствовал себя так комфортно рядом с кем бы то ни было.

– Ты ничего обо мне не знаешь, – я хмурюсь.

Когда он узнает, то не захочет меня видеть. Отвернётся, как все остальные люди. Не поймёт. А я... не стану объяснять. Последнее, в чём я нуждаюсь, это его жалость.

– Так позволь мне узнать тебя, Ань. – В стальных глазах Аторова мелькает нетерпение, и мне снова думается, что эта изящная игра нацелена лишь на одну победу. Ему не терпится затащить меня в койку.

– Олег Фёдорович, я обычная няня, если вы не забыли, – напоминаю ему, и он морщится.

– Глупая ты девчонка, так говоришь, словно няня и не человек вовсе! Ты удивительная, прекрасная, чистая душой молодая женщина. Ты ответственно выполняешь свою рабо-

ту. Да даже не то! Ты не работаешь, Ань, я видел много разных нянь. – Аторов резко тормозит, и я вынужденно останавливаюсь рядом с ним. – Ты любишь мою дочь, а это уже не работа. Ты горишь. Я это прекрасно вижу и понимаю, ведь я такой же фанатик относительно своего дела. Ты, вероятно, думаешь, что я плохой отец... да, наверное, так и есть. Просто отвратительный! Так мало провожу времени с Ксюшей! Но я хочу сделать чуточку лучше мир, в котором предстоит жить моей дочери. Если однажды человечество сможет навсегда забыть об онкологии, разве это не будет чудом?

Он смотрит на меня горящим взглядом, и я в очередной раз проглатываю горечь. К сожалению, мало кому выгодно такое простое решение. К сожалению, Гай всего лишь первое звено в цепи сложного механизма, нацеленного лишить Аторова возможности претворить в жизнь свой план.

– Ты очень хороший отец и человек, Олег. Я правда хочу, чтобы у тебя всё получилось. Ты мог стать одним из тех толстосумов, которые остались на благотворительном вечере, но ты остался собой. Это очень-очень важно, Олег. Жизнь, она не бывает идеальной. В ней бывают взлёты и падения, радостные и действительно мрачные моменты, но во всей чехарде этих событий очень важно не забывать, кто ты есть, не забывать, что ты в первую очередь человек.

– А иногда так хочется стать Суперменом! – с грустной усмешкой вздыхает Аторов.

– Понимаю. Но не всё подвластно какому-то одному кон-

кретному человеку. Но ему подвластно главное – оставаться человеком при любых раскладах. Рано или поздно чёрная полоса заканчивается, и дальше нам приходится жить с собственными ошибками. Впрочем, счастливые моменты тоже имеют свойство подходить к концу... – я осекаюсь. – Не слушай меня, я сама не ведаю, что несу! Веселящие пузырьки игристого слишком быстро добрались до мозгового центра!..

– Да, нет, Аня. Всё ты правильно говоришь. Даже на кольце царя Соломона была надпись: «Всё проходит, и это пройдёт». Так и есть. Нам остаётся в любых обстоятельствах лишь просто двигаться вперёд, удерживая свои человеческие качества на высоте и не опускаясь до маргинального уровня. – Аторов плавно тянет меня вперёд, и мы продолжаем движение. – Знаешь, сколько раз я хотел сдаться? Окрыситься, как многие в моей профессиональной области? Делать пустышки и грести бабло лопатой? Потому что на каждом шагу меня поджидают препоны, подставы, разбирательства...

– Ты не такой, Олег. Пока ты веришь в своё дело, оно будет работать. Пусть не в тех масштабах, в каких тебе хотелось бы, но... – я часто дышу, борясь с подступающими слезами, – те дети, которые благодаря тебе получили шанс на жизнь... Это и есть чудо, Олег. Ты делаешь чудеса. Ты замечательный человек. Никогда не сдавайся.

– Ну, скажешь тоже! – Аторов смеётся. – Я простой мужик, Аня, но послушать тебя, так чувствую себя тем самым пресловутым суперменом!

– Для кого-то ты и есть Супермен.

Мы останавливаемся у ступеней, ведущих на набережную. Здесь можно пойти прямо, вниз, на широкий городской пляж. Ноги будут вязнуть в песке, а морской бриз запутается в волосах. Олег Фёдорович будет мил, приобнимет меня за талию, чтобы мне было удобнее идти вдоль берега. Можно пойти направо, в парк культуры и отдыха. Можно пойти влево – к жилым массивам. Или назад – в центр, где нас ждёт автомобиль.

Но мы стоим на верхней ступени и молчим.

– Аня... – напряжённо подзывает Аторов.

– Что?

Он молниеносно оказывается критически близко ко мне. В слишком искушающей и опасной близости.

Мужчина слегка наклоняет голову, заглядывая в мои глаза.

– Не бойся меня, Аня, – умоляюще шепчет он.

Это так странно: мы фактически спим в одной постели и при этом мы друг другу никто. Чужие люди.

От этого осознания почва уходит из-под ног. Не сразу я понимаю, что поддерживают меня сильные руки Олега.

– Не бойся. – повторяет он. – Не хочу обидеть. Познать хочу...

Расстояние между нами стремительно сокращается. Не уверена, как должна поступить в этой ситуации. Как будет правильно. На что я имею право.

Очевидно же, что ни на что подобное!

Но жар его тела согревает душу, а сильные руки не позволяют сдвинуться с места.

Тяжёлое дыхание скользит по моим губам, я закрываю глаза от страха и предвкушения, не имея ни сил, ни желания сопротивляться.

– Посмотри на меня, Аня, – высвистывает сквозь сжатые зубы Аторов, и я понимаю, как непросто ему сейчас удаётся не наброситься на меня.

Открываю глаза и вижу стальные озёра прямо перед собой.

– Ты мне нравишься, Аня, – говорит Аторов. – Я хочу тебя поцеловать. Больше всего на свете сейчас я хочу именно этого. Но я дал себе слово, что не сделаю ничего против твоей воли.

Он ждёт ответа? Иначе почему смотрит так пытливо, отыскивая намёки в самых недрах моей души.

– Ты разрешишь мне себя поцеловать? – спрашивает Аторов.

Хороший, надо признать, вопрос!

И вот что мне делать прикажете? Ведь и не девочка давно, с богатым багажом опыта, а трясёт как осиновый лист на ветру! Мысли скачут, как букашки, разбегаясь во все стороны.

Взгляд опускается на плотные губы Аторова. Они кажутся мне жёсткими, словно из мрамора высеченными. Мне думается, что он напористо прижмётся к моим губам, вторгнется

в мой рот и захватит в плен мой язык.

Мне и хочется этого, но это же меня и страшит. Я привязываюсь к Олегу, а это совершенно не то, что я должна испытывать. Я должна быть сильной, нельзя снова понадеяться на мужчину. Нельзя быть слабой и зависимой. Это не приводит ни к чему хорошему. Мне не нужны разбитые осколки уже разбитого сердца. Мне страшно. Я не понимаю себя. Я разучилась понимать этот мир. Имею ли я право на свою веру? Могу ли позволить себе рискнуть? И что ждёт впереди?

А если он просто пользуется своим положением? Ну не может же мужчина его социального статуса на самом деле проявлять интерес к такой, как я?

И если это не всерьёз, а всего лишь его игра, чтобы затащить меня в постель, должна ли я поддаться? Не пострадает ли в этом случае моё сердце? Смогу ли я держаться за понимание, что это будет одноразовая связь и не ждать большего?

Смогу?..

Видимо, все мои мысли живо мелькают в моём взгляде, и Аторов протяжно выдыхает:

– Что ж... Видимо, мне придётся подождать. Но знаешь что?

От неожиданно деловитого окончания фразы я заинтересованно переспрашиваю:

– Что?

– Чем дольше ожидание, тем слаще встреча, Аня. – рука мужчины взмывает в воздух, касается выбившейся прядки

волос и заправляет её за ухо. – Когда игра стоит свеч, можно и попридержать коней.

– А она стоит? – с трудом выдавливаю из себя.

– Уверен, что да. За внимание роскошной женщины приятно побороться, а те, что сами в руки даются... вряд ли заслуживают усилий.

– То есть, я правильно понимаю, если бы я сейчас ответила согласием...

Аторов прижимает меня к себе. Горячие губы бегло касаются моего виска. Они мягкие... мягкие! Нежные. Бережливые.

– Нет, Ань. Для меня это не имело бы никакого значения. Ты та женщина, за которую я хочу бороться. Быстро или долго – не важно. Я хочу быть с тобой.

– Ты ничего обо мне не знаешь... – сопротивляюсь я.

– У меня есть много времени, чтобы узнать тебя получше, – Олег переплетает наши пальцы и мягко тянет обратно к центру. – А главное я уже понял. Ты удивительная. Самая невероятная. Я никогда таких не встречал.

Я не знаю, что сказать. Все его слова кажутся мне искусной игрой. Манипуляцией. Провокацией. Но как же хочется поверить!

Всю дорогу до дома меня шатает из стороны в сторону. От одного решения к другому. То я снова возвращаюсь в своих мыслях к тому, что Аторов лицемер и негодяй, совратитель своих нянь, то – что я никогда прежде не встречала таких

мужчин.

Пока я думаю, Олег Фёдорович смотрит в окно с тихой улыбкой. Моя рука крепко зажата в его, и он оглаживает кончиками пальцев мою ледяную кожу так, что искры летят. Конечно, лишь в моём воображении. Чувствует ли он то же самое? У меня нет ответа, но мне отчаянно хочется его получить.

– Анна Евгеньевна, я уложу Ксению сам, – чопорно говорит мне он перед лестницей. – Спасибо, что согласились сопровождать меня.

Аторов галантно прикладывается к моей руке и взбегает по лестнице, а я мучительно медленно поднимаюсь следом.

Пристраиваю на плечиках дорожное платье, долго стою под горячими струями душа.

И всё равно ничего не могу с собой поделать: надев пижаму, выскальзываю из комнаты и открываю соседнюю дверь.

В тусклом свете ночника мне не сразу удаётся разглядеть спящих Ксюшу и её папу. И если лицо девочки спокойно, то между бровей Аторова пролегла хмурая складка.

Я подхожу ближе. Только чтобы выключить свет. Тянусь к кнопке выключателя, и мужчина перехватывает мою руку.

– Ложись с нами, – шепчет он. – Не хочется нарушать приятную традицию.

– Не уверена, что это хорошая идея, – вырываюсь я.

– Брось, Аня. Отбрось сомнения в сторону, мы делаем это каждый вечер.

Между нами повисает двусмысленная фраза. Неловкое молчание с моей стороны и ожидание – с его нервируют меня. Чтобы скорее прекратить это... ни пойми что... я быстро забираюсь в Ксюшину кровать и укутываюсь в одеяло.

Олег Фёдорович выключает свет и затихает, а мне не спится. Сердце заходится в груди, и я прижимаюсь к сладко сопящей Ксюше, целую украдкой пушистую макушку. Глаза постепенно привыкают к темноте. Затаив дыхание, поднимаю глаза на Аторова и натыкаюсь на его взгляд.

Он внимательно смотрит на меня. Стальной взгляд плавит внутренности, сбивает дыхание.

– Давай завтра возьмём Ксюшу и поедем погуляем? – спрашивает он еле слышно.

– Она будет рада. – осторожно отвечаю я.

– А ты?

– И я.

Олегу не удаётся сдержать ликующую улыбку:

– Хорошо. Тогда спи, Аня. Спокойной ночи.

– И... тебе, Олег.

Не знаю, как и когда мне удаётся наконец уснуть. Кажется, под утро. По ощущениям, стоит мне только на секундочку закрыть глаза, как в следующее мгновение Ксения радостно визжит мне на ухо и скачет по мне. А Олега уже и след простыл... Интересно, он помнит о своём обещании?

Оказывается, помнит. После скорого завтрака и быстрых сборов он вывозит нас на окраину города и мы несколько ча-

сов гуляем возле моря. Ксюша собирает разноцветные морские стекляшки, мы с Аторовым изредка перебрасываемся короткими фразами, но между нами словно и нет былого напряжения.

– Папа! Няня Аня! Смотрите, какой камень! *Огороднийший!*

– Огромнейший, – с улыбкой поправляет отец и подхватывает малышку на плечи. – Думаю, пора обедать.

– Да-а-а! Я уже жутко проголодавшаяся, папочка!

– Ну а что же ты молчала, Кнопочка? – мягко журю её. – Помнишь, я тебе говорила: детки растут во сне, но для этого нужен строительный материал.

– Белки, жиры и *головоды*, – важно вставляет Ксюша.

– Уг-ле-во-ды, – по слогам произношу специально для неё. – Всё правильно. И чтобы этот строительный материал был в организме, нужно что?

– Хорошо и много кушать! – радостно кричит малышка.

– Да, верно! Умничка! – хвалю её, и девочка широко улыбается.

Аторов привозит нас в ресторан итальянской кухни и сам делает заказ, пока мы с Ксюшей моем руки.

Я отправляю малышку к отцу, чтобы спокойно уединиться в кабинке, а когда выхожу, натываюсь на молодую женщину с приятной внешностью. Мою руки, удивляясь про себя, почему она так и продолжает стоять рядом. Бросаю на неё взгляд через зеркало – женщина смотрит на меня.

– Он мой, – говорит она безэмоционально. – Мой.
Странная какая-то!

Я пожимаю плечами, вытираю руки и хочу пройти к выходу из дамской комнаты.

– Не знаю, кто ты такая, – женщина преграждает мне путь, – но Олег мой муж, а Ксюша – наша дочь. Поняла?

Она протягивает мне паспорт. Зачем? Я не понимаю. Но беру его в руки и заглядываю внутрь.

Глаза цепляются за строчки: Аторова, зарегистрирован брак с Аторовым Олегом Фёдоровичем, дочь – Аторова Ксения Олеговна.

– Они моя семья. Не вздумай встать у меня на пути, поняла?

Словно в тумане впихиваю ей в руки книжицу и прохожу к двери.

– Ты поняла? – кричит она мне вслед.

Всё, что мне удаётся сделать, это кивнуть.

Поняла. Вот теперь, кажется, поняла.

Разве в жизни есть место для сказочного финала для Золушки? Бою

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.